

18+

МАРИНА САВВИНЫХ

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

ВСТРЕЧИ, СОБЫТИЯ, ДИАЛОГИ

Марина Саввиных

**Мосты над облаками.
Встречи, события, диалоги**

«Издательские решения»

Саввиных М.

Мосты над облаками. Встречи, события, диалоги /
М. Саввиных — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513547-6

«Мосты над облаками» — своеобразный документ эпохи, продукт странствий человека, всю свою жизнь посвятившего русской литературе. С первого выступления автора в печати (1973 г.) прошло без малого полвека, в которые уместилось всё — учительство, работа в литературном журнале и, конечно, собственное литературное творчество — стихи, проза, пьесы, статьи и очерки... Эта бурная деятельность всегда была связана с многочисленными поездками по стране. Так, собственно, и строились «Мосты над облаками»..

ISBN 978-5-00-513547-6

© Саввиных М.
© Издательские решения

Содержание

Марина Саввиных	6
К читателю этой книги	6
I	7
Жизнь журнальная: куда ж нам плыть?	7
Точки опоры	8
Санкт-Петербург. «Литературный журнал – как билет в театр...»	10
Москва. «Люблю выращивать плодовые деревья...»	16
II	25
Лучезарный middle class, или Герои нашего времени?	25
Сибирский Атомград в журнале «День и ночь»: московские встречи	27
Занимательная культурология	28
Кофе, символы, слова	33
От Волхонки до Чистых Прудов	36
Максим Лаврентьев	37
Неужели новые герои?	46
III	47
В гостях у крымских аонид	47
«Славянские традиции». Дух и буква фестиваля	49
«Волошинский сентябрь». Фестиваль и симпозиум	54
Интервью президента Академии Зауми Сергея Бирюкова журналу «День и ночь»	61
IV	66
«О доблестях, о подвигах, о славе...»: Москва, Петербург, Красноярск	66
1	67
Эфа	72
Нескучный сад	73
2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Мосты над облаками Встречи, события, диалоги

Марина Саввиных

© Марина Саввиных, 2020

ISBN 978-5-0051-3547-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марина Саввиных **Мосты над облаками** **Встречи, события, диалоги.**

*Колеблются мосты над облаками,
Построенные нашими руками, —
Так птицы пронцательные выют
Надежды неустойчивый приют...*

К читателю этой книги

Дорогой друг!

Перед тобой – своеобразный документ эпохи, продукт странствий, встреч и размышлений человека, всю свою жизнь посвятившего русской литературе. С первой публикации в 1973 году прошло без малого полвека; а потом – учительство вплоть до необходимости возглавить Красноярский Литературный лицей, работа в литературном журнале – вплоть до столь же непредвиденной необходимости стать его главным редактором и, конечно, собственно творческая работа – стихи, проза, пьесы, литературоведческие и публицистические статьи и очерки... Вся эта бурная деятельность всегда была связана с многочисленными поездками по стране. Так, собственно, и возникла эта книга. «Мосты над облаками» – метафора, указывающая на глубокие, можно сказать, «кровеносные» связи, которые после развала великой страны восстанавливались постепенно, в преодолении, казалось бы, непреодолимых трудностей. Такие «мосты» до сих пор удерживают наше общее литературное поле. А значит, – и нашу всемирную соборность, по сути своей противоположную насаждаемому псевдолиберальными деятелями глобализму.

Перечитывая сейчас эти очерки, первый из которых написан десять лет назад, я, разумеется, вижу, как небеспристрастен и даже наивен порой их автор. Иногда рука так и тянется исправить что-то, дополнить, домыслить. Но – нет. Пусть всё остаётся, как есть. Только так ведь и можно сохранить атмосферу минувшего, которое нам довелось пережить. В этих разговорах – «без купюр», – в почти фотографических портретах, в стихах, монологах и дневниковых записях героев и – фактически – соавторов книги, как в капле воды, отразилась литературная жизнь страны ближайшего к нам прошедшего десятилетия. Приглашаю вместе со мной отправиться в это недавнее прошлое. И да будут отмечены нашей признательностью добрые плоды его и вынесены все необходимые уроки. С Богом!

Ваша Марина Саввиных

I

Жизнь журнальная: куда ж нам плыть?

*Так дремлет, недвижим,
корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.*

Пушкин

В конце июля 2010 года небольшая творческая группа журнала «День и ночь» приняла деловую поездку в объятую небывалой жарой центральную часть России. Москва, Санкт-Петербург, Калуга, Обнинск. Всюду, несмотря на летнее – отпускное – безлюдье, усугублённое к тому же климатической аномалией, состоялись встречи, собеседования и переговоры, значение которых для культурного процесса, поддерживаемого толстыми литературными журналами, на мой взгляд, трудно переоценить. Это, собственно, и было целью командировки – налаживание связей, «собрание» рассыпавшейся среды общения писателей и читателей в некое обозримое целое, способное к саморазвитию, продуцированию и потреблению качественного художественного вещества хотя бы внутри самого себя, если уж постиндустриальный мир предсказанным образом «загнивает» по собственному сценарию. В том, что необходимость такого «собрания» давно назрела, мы убедились, работая над проектом Международного альянса русскоязычных литературных журналов – возможным детищем нескольких сетевых литературных порталов и периодических изданий. В течение полугода мы переписывались и переговаривались с редакторами и функционерами самых разных журналов и альманахов – и электронных, и бумажных. И вот к чему пришли, в конце концов...

Точки опоры

Меморандум Международного альянса русскоязычных литературных журналов

Представители литературных журналов, публикующих произведения авторов, живущих в России и за рубежом и пишущих на русском языке, подтверждают своё согласие в признании остроты следующих проблем:

- падение интереса к художественной литературе, ведущее к общему культурному обеднению современного человека и – как следствие – к трансформации культурного пространства исключительно в «рынок»: книжный бизнес превратил книгу, рассчитанную на массового читателя, попросту в бумажный продукт;

- девальвация ценности художественного слова; огромное количество текстов низкого качества, заполонивших страницы журналов и альманахов; трудности с публикациями, с обращением к своему кругу читателей талантливых авторов, нередко так и остающихся в неизвестности;

- отсутствие системы критериев качества литературных произведений; практически исчезновение литературной критики как инструмента формирования и поддержки художественного вкуса; существование множества весьма сомнительных по уровню оценки конкурсов и премий;

- разобщённость русскоязычной культурной элиты, существующей в настоящее время в разных странах в виде диаспор и фактически лишённой творческих и социальных контактов.

Вышеизложенное представляется достаточным для того, чтобы заявить об учреждении Международного альянса русскоязычных литературных журналов (сокращённо – МАЛЖ).

МАЛЖ – объединение творческих людей и издательских ресурсов – ставит перед собой цель формирования международной русскоязычной литературной среды, которая будет:

- способствовать творческой реализации талантливых литераторов вне зависимости от места проживания, привлекать авторов дальнего и ближнего зарубежья, знакомить с ними российского читателя – в том числе и за счёт обращения к творческому потенциалу талантливых переводчиков;

- поддерживать условия для естественного развития литературного процесса;

- добиваться усиления роли художественных журналов, их влияния на литературный процесс; формировать и удерживать систему критериев оценки литературных произведений, обеспечивающую необходимый и достаточный уровень качества публикаций, по крайней мере, в зоне влияния альянса;

- представлять интересы литературных журналов в выстраивании отношений с государственными структурами, меценатами и общественными движениями и организациями.

Для осуществления этих задач русскоязычные литературные журналы уже сегодня могут:

- обмениваться авторами и рукописями, предоставлять друг другу страницы для презентации творческих достижений;

- проводить собственные рейтинги и конкурсы и предлагать лучшие произведения издательствам для выпуска новых книг, тем самым, способствуя распространению, чтению и обсуждению лучших произведений в русскоязычной аудитории.

– реализовывать совместные проекты, как поддерживаемые международными грантовыми программами, так и осуществляющиеся за счёт других благотворителей и/или инициатив.

Учредителями МАЛЖ являются представители литературных журналов, подписавших данный Меморандум. Ежегодно открытым голосованием избирается Правление, состоящее из представителей семи журналов (по одному), и один – из семи – журнал, который в течение года выступает в качестве Координатора. Впоследствии новые участники принимаются согласно по данному заявлению в наличествующее Правление после обсуждения кандидатуры всеми членами Альянса и открытого голосования по этому вопросу.

Финансирование деятельности Альянса осуществляется за счёт:

– ежегодных взносов участников; – грантовых программ; – иных поступлений, не запрещённых законодательством РФ. МАЛЖ является общественным движением, не образующим юридического лица, и действует на основании Устава, утверждённого Собранием Учредителей.

Александр Петрушкин, гл. ред. журнала «Новая Реальность», Кыштым
Марина Саввиных, Дмитрий Мурзин, гл. ред. и член редколлегии журнала
«День и ночь»,
Красноярск – Кемерово
Людмила Коль, гл. ред. журнала «LiteraruS», Хельсинки
Юрий Беликов, гл. ред. сайта Dicoross.ru, лидер движения дикороссов, Пермь
Сергей Сутулов-Катеринич, главный редактор Международного поэтического
интернет-альманаха «45-я параллель», Ставрополь
Вячеслав Корнев, ред. журнала «ЛикБез», Барнаул
Дмитрий Чернышев, зам. шеф-редактора журнала «Зинзивер», Санкт-
Петербург
Дмитрий Дзюмин, гл. ред. журнала «АльтерНация», Омск – Санкт-Петербург
Игорь Кузнецов, ред. журнала «Знаки», Кемерово
Иван Бекетов, Павел Банников, соредакторы журнала «Ыйшо Одын»,
Алмааты, Казахстан
Алексей Караковский, гл. ред. журнала «Контрабанда», Москва
Михаил Блехман, ред. альманаха «Портфолио», Канада
Евгений Лукин, гл. ред. альманаха «Северная Аврора», Санкт-Петербург
Александр Ломтев, гл. ред. ежемесячной культурно-просветительской
газеты
«Саровская пустынь», г. Саров Нижегородской обл.
Семён Каминский, редактор литературной страницы
еженедельника «Обзор», Чикаго.
Николай Алешков, главный редактор альманаха «Аргамак», Татарстан.
Геннадий Петров, гл. редактор литературного журнала
«На любителя», США.¹

¹ Как оформленная организация МАЛЖ так и не состоялся; тем не менее, деятельность, заявленная в Меморандуме, на протяжении многих лет успешно осуществляется людьми, которые первоначально составили костяк нового литературного сообщества. Фактически так возник дружеский круг единомышленников, которые по настоящее время используют все свои возможности, творческие и организационные, чтобы «держат и вздымать друг друга». Сегодня, к сожалению, иных уж нет, а те далече... но дело их живёт и прирастает, подхвачено молодыми «литературтрегерами», а значит – ещё не вечер! Май, 2020 г. (МС).

Санкт-Петербург. «Литературный журнал – как билет в театр...»

20 июля 2010 г.

Петербургский Дом Писателя

Евгений Лукин, главный редактор альманаха «Северная Аврора»

Марина Саввиных, главный редактор журнала «День и ночь»

Андрей Лазарчук, писатель

Саввиных. Один молодой поэт, очень талантливый, на мой вкус, в беседе со мной заявил, что «литературный журнал – миф, сейчас не существует никаких литературных журналов. Литературные журналы, которые выходят, никто не читает. Они никому не нужны. Они не нужны массовому читателю, поскольку таковой отсутствует. Они не нужны государству, потому что оно не выражает заинтересованности в их существовании и не поддерживает их, как правило. Или, если поддерживает, то в каких-то своих интересах. И вообще, я вижу ситуацию таким образом – сказал он – нужно сделать журнал литературный наиболее приближенным к „глянцу“. Вот существует же, например, „Плейбой“... Это – грубо. Но если создать гибрид „Плейбоя“ и современной литературы, сделать это модным – тогда существование литературного журнала будет оправдано, и он сможет продаваться, приносить доход, у него будет читатель».

Лазарчук. Опыт такого рода был. Успешный и долгий. Этот журнал закрылся четыре года назад. Издавался же он лет сорок. Это английский журнал «Омни», который действительно печатал элитарную литературу, разбавляя это огромным количеством рекламы. Там можно было читать все произведения, которые опубликованы... в мире, где литературные журналы вообще редки. Они платили чудовищные гонорары. И, тем не менее, они жили. Я не знаю, по какой причине они ушли, видимо, что-то всё-таки меняется. Их несколько раз покупали и перепродавали... а вообще, журнал такой – да, был.

Евгений Лукин и Марина Саввиных. Санкт-Петербург. Лето 2010 г.

Лукин. Начнём, наверное, вот с чего. Мы живём в «постгуттенберговскую» эпоху. Что это значит? Это означает, что тот вид реализации литературы, который существовал до недавнего времени, как в России, так и на Западе, потихоньку уходит. Речь идёт о бумажных носителях. Литература сейчас развивается в параллельных мирах. На бумажных носителях и на электронных. Поэтому, что в России, что на Западе, тиражи журналов в бумажном варианте – маленькие. Любой западный журнал нашего профиля возьмём и увидим – 500, 1000 экземпляров. Это означает, что эти журналы поступают на потребление... кому? Авторам, прежде всего. Потому что это материализация некой духовной жизни, а читатели, пожалуйста, доступ в Интернет. Читайте.

Саввиных. Или читателям, которые до сих пор не могут пользоваться сетевыми ресурсами. Людям старшего возраста, как сейчас – политкорректно – их называют... пенсионерам.

Лукин. Да. Вы понимаете – это о будущем. Что нас ждёт впереди. Второй момент. Очень важный. По всему миру, не только в России интерес к литературе как таковой резко упал. Люди не приобретают книги. В качестве примера рассказываю следующую историю. Недавно, в прошлом году, правительство Испании решило повысить интерес испанцев к книге. Оно пошло на следующий эксперимент. В киосках на железнодорожных вокзалах, в аэропортах они стали размещать книги... огромные развалы книг... и эти книги предоставлялись пассажирам – бесплатно. Вот вы едете, куда-то собрались, возьмите с собой «Дон Кихота»... или что-нибудь ещё. Книги были напечатаны за счёт правительства Испании. Их можно было взять бесплатно. Вы не поверите: книги так и остались на этих развалах. О чём это говорит? О том, что анало-

гичные ситуации будут и в России. Даже если наше правительство пойдёт на подобную гуманитарную акцию, мы можем столкнуться с тем же. Кстати, этот опыт испанский изучают сейчас и в Штатах, и в Германии. Я недавно общался с немецкими товарищами, тоже эту тему обсуждали. Путь-то должен быть другой. Путь этот проторён уже на Западе. Нужно действовать именно в том социуме, который этим интересуется. Насильно заставить человека читать – невозможно.

Теперь, что касается литературных журналов... Что такое – литературный журнал? Литературный журнал, прежде всего, – барьер. Барьер от графомании. Это как билет в театр. Не все же могут пойти на театральное представление, а только тот, кто купил билет. И к вам, и ко мне поступает бездна рукописей, но мы же не публикуем всё подряд! Мы же осуществляем отбор. Предъявляем определённые требования к публикации. Издать в издательстве за свой счёт сейчас можно всё, что угодно. А напечататься в литературном журнале, хорошо, я подчёркиваю, может далеко не каждый. Безусловно, в каждом литературном журнале есть свои пристрастия, и так далее, и так далее... Но, если автор талантлив, то он обязательно опубликуется, не в этом журнале так в другом. Сейчас огромное разнообразие журналов. И если его взгляд на мир не подходит одному журналу, подойдёт другому. Именно поэтому литературные журналы не умрут. Потому что любой человек, особенно интересующийся литературой... для него это – определённый уровень. Критерий. Вот в чём смысл... да пусть хоть десять экземпляров. Будет уровень. Какой тираж был у пушкинского «Современника»? Триста экземпляров? Правда, типографское дело было тогда в самом зачатке... Какой тираж был первых сборников Анны Андреевны Ахматовой? «Вечер», «Чётки»? Двести экземпляров.

Саввиных. Всё вернулось на круги своя.

Лукин. Количество экземпляров абсолютно не свидетельствует о качестве. Мы же говорим, качество стихов Анны Ахматовой – запредельное. Высочайшее. Правда? А некоторые графоманы издают – тысячными тиражами. И, как правило, в прекрасной полиграфии. Ну и что? Глянцевые? Ради Бога. Пусть выходят. Набоков в «Плейбое» печатался.

Лазарчук. «Плейбой» в смысле литературы как раз очень уважаемый журнал...

Лукин. Я как раз и хотел сказать, что глянцевые журналы... если они хотят печатать художественную литературу – ради бога. Но мы в данном случае говорим о литературных журналах, которые занимаются исключительно литературой. В глянцевом журнале – и гламур, и всё, что угодно. Весь набор – от кроссвордов до высокой словесности. Ради бога.

Саввиных. Теперь, собственно, о «Северной Авроре». Поделитесь секретом – как вы работаете с авторами? Как к вам попадают рукописи – ведь это не только и не столько самотёк? Это ориентация на определённые фигуры, имена, на определённые тексты? Как формируется портфель вашего журнала?

Лукин. Безусловно, у меня есть определённые вкусы. Главный редактор обязан и должен формировать политику журнала. Вот именно в этом направлении работает журнал, вот такой должен быть подбор материалов. Именно в этом главный редактор должен быть диктатором. Никакого «винегрета» не должно быть. Иначе журнал будет терять лицо.

Это закон жизни. Поэтому, ориентируясь на собственный вкус, я обращаюсь к тем или иным авторам с просьбой предоставить материалы. А второе, у меня, безусловно, существуют среди писателей... назовём их так – литературные агенты, мои друзья, которые рекомендуют мне авторов, которых, допустим, я не знаю.

Про Шарова вы не найдёте ни в одном толстом журнале. Ни одной статьи. Нет ничего. Единственная исследовательница есть в Москве – он москвич, – которая напечатала в какой-то газете небольшую статью о нём. Всё! Не печатают. Причём человек, который предоставил мне развёрнутое исследование, посвящённое творчеству Владимира Шарова, говорит: «Евгений, ты не поверишь, я и в этот журнал отправлял... – перечисляет московские толстые журналы... – ни один не взял».

Саввиных. А причина? Не говорят о причинах?

Лукин. Не говорят. Мы с Шаровым не знакомы. Когда эта публикация состоялась, я послал её Шарову. Он был страшно потрясён, зазывал в Москву приехать, познакомиться. Но главное не это: автор, наконец... талантливейший, интеллигентнейший... обрёл первую публикацию! А ему под шестьдесят. Это о чём говорит? Материалы есть! И я стремлюсь подбирать именно то, что не будет опубликовано в каких-то других толстых журналах. Я не в упрек им говорю, у них своя политика. Я свою политику веду. То есть, постоянные контакты; писатели, которые проявляют интерес, они же и являются передатчиками материала. Роман Всеволодов съездил на Московский форум в Липки, познакомился с Хоботневым. Роман приехал и говорит: слушай, там такой интересный парень возник на горизонте – Дмитрий Хоботнев. Так состоялась эта публикация в «Северной Авроре».

Журнал «Северная Аврора» – это такая система координат, в которой Петербург присутствует как культурный центр... место выхода журнала – питерские авторы. Проза, поэзия. И есть, с одной стороны, вектор в глубь России... под рубрикой – «Сибирские гости»... вот в следующем номере – «Олонецкие гости»... И – вектор вовне России. Постоянная рубрика «Русский мир» – писатели, которые выехали, живут в США, Франции, Германии, Бельгии, Израиле. Очень много талантливых авторов там. Ну, естественно, и переводы. В следующем номере, например, индийский гость. Генеральный консул индийского консульства в Санкт-Петербурге пишет стихи. И хорошие стихи. Они переведены, и в следующем номере появятся стихи этого замечательного индийского поэта. Это же всё расширяет наш кругозор. Вот для этого литературные журналы и существуют. Я ответил на ваш вопрос?

Саввиных. Это очень похоже на то, как мы делаем свой журнал. Мне даже трудно увидеть какую-то принципиальную разницу. Наверное, большинство литературных журналов сегодня так и живут. Особенно те, которые не пользуются госбюджетом, то есть не входят в государственные структуры. Ведь «Северная Аврора» не на государственные деньги издаётся?

Лукин. Конечно, нет. Ни в коем случае. Знаете – почему?

Саввиных. А очень даже понятно. У нас ситуация такая, что мы, для того, чтобы выжить, всё время перед дилеммой стоим: или сдаться окончательно краю, который, конечно же, будет свои требования предъявлять к содержанию...

Лукин. Вот это самое главное. Вопрос в том, каковы требования.

Саввиных. С другой стороны, нам всё равно приходится пользоваться разными источниками. В этом году, например, мы получаем от края серьёзную субсидию, и обязаны изрядную часть нашего объёма отводить местному материалу. А он, понятное дело, не может быть столь же богатым, как литературный массив всего русскоязычного мира. Само поле значительно сужается тогда. Но всё равно мы стараемся сети ставить частые – что попало, не пуб-

ликуем. А вообще, очень похоже... я знаю массу других альманахов и журналов... тот же казанский «Аргамак»... томский альманах «Каменный мост»... и так далее. Структура литературных журналов практически везде одинакова. Всегда есть какой-то местный материал, но в основном люди ориентируются на широкое пространство.

Лукин. Я стремлюсь особое внимание уделять молодым авторам. Это будущее. В журнале есть рубрика «Голос минувшего». Произведения тех литераторов, которые недавно ушли. У меня в следующем номере идёт подборка стихов Анатолия Соколова, новосибирского поэта, который недавно умер. Я уже с ним работал, ещё с живым, готовил эту подборку... и вдруг узнаю такую печальную весть. Замечательнейший совершенно поэт. Это же очень важно – помнить. А молодые – это будущее. Они дальше понесут, они будут помнить о нас. Хоботневу сколько? Тридцать лет. Нас уже не будет. А он будет и, может быть, добрым словом вспомнит о нас. Поэтому очень важно молодых поддерживать.

Саввиных. Конечно. Всё это очень близко и понятно. И – следующий вопрос. Прямо вытекающий из всего этого. Как распространяется «Северная Аврора»?

Лукин. Сложный вопрос. Прежде всего, это рассылка по библиотекам. Часть журналов уходит на Запад. К журналу проявили интерес славистские факультеты университетов Великобритании. Это уходит туда. Запад изучает нас гораздо более интенсивно, чем мы сами... интересуется. Я такого не ожидал, когда начинал всё это в 2005-м. Такого моментального интереса.

Саввиных. Мы это тоже почувствовали.

Лукин. Понимаете, честно говоря, союзам московским на нас наплевать. И Москва вообще своей жизнью живёт. Отдельно от России существует. У них всё хорошо. У них всё замечательно. А вы своей жизнью живёте, в России. Вы думаете, Москва хоть раз проявила интерес к моему журналу? Зато вот Красноярск приехал. Большое спасибо. Вы согласны со мной?

Саввиных. Ситуация такова, что многие москвичи тоже недовольны ходом литературных дел. Вот только что разговор состоялся с Василием Димовым, московским писателем. Он говорил то же самое, что и вы. Многие москвичи к нам стучатся в журнал, и мы печатаем самое лучшее, самое интересное. Москва тоже становится похожа на слоёный пирог. Есть как бы каста избранных, которые активно публикуются в престижных изданиях – из номера в номер, и есть другие, не попавшие в этот слой... они смотрят по сторонам и стучатся в другие журналы. Вы говорили о Шарове – ведь он же москвич.

Лукин. Очень важно, чтобы журнал был доступен в Интернете. Потому что это вообще безразмерный тираж. Всегда можно найти. Я сейчас работаю над сайтом Санкт-Петербургского Дома писателей, там будут представлены все питерские журналы. Приглашаю и ваш журнал – когда всё это будет готово. Не так быстро делается, но, я думаю, к осени... ссылка, баннер ваш. Вот такое взаимодействие мы организуем. И другие журналы пригласим – «Бельские просторы», «Дальний Восток»... Московские ребята – пусть они уже там сами, как хотят. А мы будем жить с Камчаткой и Дальним Востоком.

Саввиных. И ещё вопрос – касающийся того проекта, в который мы вас вовлекли. Международный альянс литературных журналов. Разные есть точки зрения. Из тех людей, к которым я обратилась, занимаясь организационной стороной вопроса, примерно четверть

вообще не откликнулись, несколько изданий ответили категорическим отказом... например, харьковский «Союз писателей»: нам это не интересно, это никому не нужно и вообще писатели не живут стаями... и тому подобное. Или «Немига литературная» – они не захотели «якшаться» с журналами авангардного направления. Но большая часть людей очень живо и охотно нас поддержала, и на сегодняшний день 17 изданий, русских и зарубежных, подписали Меморандум, который мы разработали, и ожидают дальнейших действий. Насколько вам, Евгений, это кажется актуальным, нужным, осуществимым? И какой вам видится деятельность такого альянса?

Лукин. Когда звучат пессимистические высказывания – зачем вы этим занимаетесь? – я сразу говорю: ребята, вы пессимисты? Ну и сидите в своей скорлупе и нойте. Кому это нужно... литература умерла... Это – не к нам. Я сторонник теории малых дел. Пусть что-то потихонечку делается, делается – и вдруг: раз – возникает явление. Чем интересен этот альянс? Он создаёт среду. Это главная задача! Поскольку информационное пространство разорвано по территориям... мы же видим везде стремление узнать друг друга, познакомиться друг с другом. Это не обязательно должны быть личные контакты, поскольку затруднено передвижение – дорого-визна поездок и т. д. Но Интернет... это гениальное изобретение, которое даёт возможность контактировать. И если альянс возьмёт на себя функцию посредника в этом взаимодействии, находить интересные материалы, интересных авторов – он свою задачу как раз и выполнит. Альянс будет формировать и уровень! Снобы всегда будут, но рано или поздно эти снобы сами придут... я вас уверяю! Я считаю, что тот Меморандум, который был опубликован, – абсолютно правильный. Сибирь – честь вам и хвала, что вы взяли на себя этот труд... Подвижниками всё всегда и делалось. Примажусь к вашей славе – я тоже подвижник. Потому что всё это не приносит никаких сумм, на которые можно купить «Тойоту» или что-то там ещё.

Саввиных. Тут другие дивиденды. Возрастание духа...

Лукин. А разве эти отношения, которые возникают, сотрудничества, товарищества, дружбы... разве это не сокровища наши?

Москва. «Люблю выращивать плодовые деревья...»

26 июля 2010 г.

Офис издательства «Вест-Консалтинг»

Евгений Степанов, генеральный директор издательства, главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», литературного портала «Читальный зал»

Марина Саввиных, главный редактор журнала «День и ночь»

Встреча состоялась в «штаб-квартире» Степанова – цокольном этаже, кажется, не тронутого реставрацией с родимого XVII века особнячка на одной из окольных улиц Москвы. Крошечная комнатка, в которой, что называется, троим не разойтись, – кабинет одного из самых успешных издателей и деятелей культуры современной России. В этой комнатке, среди книжных полок, стоек с журналами и газетами, канцелярскими папками и почтовыми конвертами, по привычке сутулясь, видимо, от близорукости и художавой возвышенности роста, Степанов говорит открыто и темпераментно и напоминает при этом алхимика в лаборатории по изысканию философского камня... А потом я поняла: он – не алхимик, а садовник! Ведь это не профессия – «садовник», это что-то вроде «кармы»...

Евгений Степанов и Марина Саввиных. Москва. Лето 2010 г.

Степанов. Всё, что бы я ни делал, всегда воспринимается какой-то частью общества очень болезненно. Если – наоборот – поэты регионов, которым некуда податься... ну, нет в достаточном количестве изданий... говорят «спасибо» за то, что я их публикую, есть масса

каких-то злопыхателей, недоброжелателей, которые обвиняют меня, Бог знает в чём... Но для меня это тоже награда, потому что, значит, мой продукт не мёртвый. Хорошо говорят только о покойниках. Из этого я и исхожу. Это и обнадеживает.

Огромное количество талантливых людей в России до сих пор не востребованы. И то, что мы в меру своих сил что-то для них делаем, – разве это не результат? У меня нет никаких субсидий от государства, я не получаю от государства ни рубля... Вы видите, в каких условиях я живу... сказать, что здесь сидит Гарун аль Рашид на золотых мешках и управляет финансовыми потоками мира, при всём желании никто не может... Есть несколько людей, которые мне помогают, спасибо им... Я мог бы делать в разы больше, но денег не хватает. Я за всё плачу сам. Из своего кармана. И если кто-нибудь мне найдёт человека, который скажет, что издание литературного журнала – это прибыльное дело, я тому принесу бутылку лучшего коньяка... если кто-то мне скажет: вот это прибыльное дело – ок, я несу коньяк... научите – как... дайте совет, ребята, я двадцать лет работаю в отрасли... Я зарабатываю совершенно другими вещами. Совершенно другими делами, которые к литературе вообще не имеют никакого отношения. Просто никакого. В некоммерческой издательской деятельности есть... может быть, болезнь какая-то, наваждение, безумие. Что это такое, я не понимаю. Но я, видимо, генетически как-то так неправильно устроен. У меня мама переводчица с немецкого языка, а отец у меня экономист. И как-то у меня это всё сочетается в голове – с одной стороны, практическая жилка, экономическая, а с другой стороны, филологические эти корни. И сам я по образованию экономист и лингвист. Поэтому, видимо, так и получилось.

Саввиных. Понимаю. Я тоже сейчас всячески ищу возможности каким-то образом материально поддерживать наш журнал...

Степанов. Я считаю «День и ночь» одним из лучших журналов России. Я об этом открыто говорю. И раньше говорил. И в наших обзорах, которые печатаются в «Детях Ра», у нас не было ни одного критического отзыва о журнале «День и ночь». Ни разу. У нас выходил номер красноярских поэтов, который Антон Нечаев составил – это взгляд Антона. Он составил, его был «карт-бланш». Мы представили этих поэтов. Но это не значит, что взгляд может быть только один. Надо ещё номера составлять, посвящённые Красноярскому краю, Сибири в целом. Я Вас приглашаю к сотрудничеству.

И с Антоном буду продолжать сотрудничать. У меня с ним очень хорошие отношения. Я издатель его книги. Мы поддерживаем друг друга. Даже когда он меня ругает... недавно написал ругательную статью о «Детях Ра».

Саввиных. Вот как?!

Степанов. Да, он написал, что журнал «Дети Ра» становится – на его взгляд – закрытым... и что-то такое. Но я подумал, что, может быть, это и хорошо... значит, у нас – льщу себя тщеславной надеждой! – появляются какие-то фильтры редакционные, мы становимся более щепетильны в отборе. Так это плюс. То есть я сейчас стараюсь видеть, как шахматист, в любой ситуации выигрышную для себя позицию: ты так считаешь – хорошо, значит, нужно посмотреть с другой точки зрения. Ты считаешь, что это знак минус, а я считаю, что это знак плюс. То мы печатали вообще весь этот литературный мир, а сейчас мы более разборчивыми становимся. Я надеюсь на это. Всему своё время. Видите ли, я садовод. Люблю выращивать овощи и плодовые деревья. Я всегда привожу такой пример: не надо яблоню трясти в мае или в июне. Нужно в августе тихо подставить руки. Вот и всё. Тогда яблоки сами упадут в ладони.

Саввиных. Наверное, никто лучше Вас не представляет себе современную журнальную жизнь. Как Вы её оцениваете? Журналов очень много. Они появляются, исчезают. Есть такие старые «монстры», как «Новый мир», «Звезда», «Нева», «Наш современник»... Многие из них стали другими. Например, «Новый мир» сейчас – не тот журнал, который мы знали раньше. Каждый месяц появляются новые журналы, которые претендуют на собственное место в литературном пространстве. И виртуальные журналы, и журналы бумажные. Каким Вам видится этот процесс?

Степанов. Марина, когда Вы говорите – журнал «Новый мир» стал другим, не таким, каким мы знали его раньше, что Вы имеете в виду? Он стал, на Ваш взгляд, лучше, хуже?

Саввиных. Он стал не лучше и не хуже. Он стал другим. Ведь как мы воспринимали «Новый мир»? Это был журнал, в котором представлены наивысшие результаты литературного процесса. Образцы.

Степанов. Можно не продолжать... моя точка зрения с Вашей совпадает. В прошлом году вышла большая моя статья в «Литературной газете», где я дал анализ работы отдела поэзии журнала «Новый мир». Я специалист достаточно узкопрофильный, и докторскую диссертацию сейчас буду защищать по современной поэзии. Анализ достаточно критический, потому что в журнале «Новый мир» за последние 10 лет ни разу не печатались такие авторы, как Вознесенский, Ахмадулина, Ваншенкин, Казанцев, и многие-многие другие поэты, которые являются классиками русской поэзии, русской литературы. Там другие авторы стихов. Например, Андрей Василевский, главный редактор. Ирина Василькова, жена главного редактора. И так далее, и так далее. Я просто привёл статистические данные, кто печатается, кто не печатается. Спору нет, печатать себя приятно. Знаю это по себе. И жену обижать не стоит. Но ведь надо и других не забывать, не менее талантливых людей. Тем более если твой журнал поддерживается государством. А «Новому миру» государство оказывает финансовую помощь. Поверьте, я очень хорошо отношусь к «Новому миру». И с Василевским мы в нормальных отношениях. Я считаю этот журнал национальным достоянием. И хочу, чтобы он был лучше, чем он есть сейчас. Паша Крючков, редактор отдела поэзии «Нового мира», – мой товарищ. Мы недавно встретились, обнимались. Он говорит: «Ну, зачем же ты меня так?..». Я говорю: «Паш, ну, мы же честные люди. Мы же договорились, что, несмотря на дружбу, мы говорим друг другу правду. Вот я тебе говорю правду. Ты говоришь мне правду. Я не идеален. У меня тысяча грехов. Но и вы тоже не идеальны. Давайте меняться в лучшую сторону». Мне кажется, они постепенно меняются в лучшую сторону. Вот недавно напечатали Дмитрия Строцева. Поэта-авангардиста из Минска. Замечательные стихи. Но, конечно, говорить о том, что «Новый мир» эпохи Василевского и «Новый мир» эпохи Твардовского отличаются друг от друга – это то же самое, что утверждать, что Волга впадает в Каспийское море. Это очевидно. Это разные журналы. Но не стоит забывать и о том, что изменилось время. Не все зависит от «Нового мира». Изменилась сама литературная ситуация. Совершенно очевидно, что появление на литературной карте такого гиганта, как Журнальный Зал, во многом уравнило в правах самые разные издания. У них появилась одна читательская аудитория. У «Нового мира», у журнала «День и ночь», у журнала «Сибирские огни», у журнала «Крещатик», у журнала «Дети Ра»... У нас – одна читательская аудитория. И престижность публикации в журнале «День и ночь» ничуть не меньше престижности публикации, допустим, в журнале «Октябрь». Вот мне скажи – где бы ты хотел опубликовать что-то своё? Я бы сказал – объективно... я бы сказал, в журнале «День и ночь»... или в журнале «Зинзивер», который тоже я издаю, но стихов своих там не печатаю. Он тоже сейчас вошёл в «Журнальный Зал». Это я в меру своих скромных сил поддерживаю Союз писателей Санкт-Петербурга. То есть я издатель этого журнала, но уже редактор –

не я. Я все свои полномочия делегировал Ольге Логош, которая живёт в Санкт-Петербурге. Я считаю, что «Зинзивер» – один из лучших сейчас журналов поэзии. Слава Богу, поступило предложение от руководства Журнального зала... я их не просил об этом... но ко мне лично обратился Сергей Павлович Костырко: «Женя, как ты смотришь на такой вариант, что мы представим через „Дети Ра“ твой проект – журнал „Зинзивер“?» Я ответил: «Да я замечательно на это смотрю!». Тем более, мы работаем рука об руку с руководителем Союза писателей Санкт-Петербурга Валерием Георгиевичем Поповым, он у нас председатель редакционного совета. С моей стороны сейчас – прежде всего, финансирование. И какая-то техническая поддержка. Мы тут, в Москве, верстаем, распространяем, печатаем. Помогаем, чем можем. Для меня сейчас совершенно понятна ситуация: если журнал входит в «Журнальный Зал», он состоялся. И это помогает представить широкую палитру русской литературы. Потому что журнал «Дети Ра» публикует, например, самых разных поэтов разных направлений. Но начинали мы как журнал немножко авангардного толка, и у нас печатались, прежде всего – Кедров, Кацюба, Бирюков, Никонова... но этих авторов раньше не было нигде в журнально-зальном пространстве. Их там не было, хотя это состоявшиеся авторы, о которых пишутся статьи, книги и даже диссертации во всём мире. Кому-то эти поэты нравятся, кому-то не нравятся. Но они есть. Давайте, ребята, их тоже покажем. И более того. Смотрите, сейчас у нас в восьмом номере выходит моя статья о литературном процессе. В частности, о поэзии Сергея Гандлевского. И о том, как делаются имена в литературе. Я прекрасно к нему отношусь, но я пишу статью, где даю филологический разбор некоторых его стихотворений. Есть очень хорошие стихи. А порой и никуда не годные строки встречаются. Просто стих рассыпается. При этом существует огромная армия пиарщиков от литературы, которые его превозносят: Гандлевский – это гений... и всё такое... и многие мои друзья начинают это поддерживать... никто не говорит о его строчках, рифмах, синтаксисе, строфике и так далее, и так далее. То есть, получается, что у нас выходит на первый план литературный менеджер, пиарщик. Эти господа определяют: кто поэт, а кто не поэт... Поэтому очень важно, чтобы была возможность сравнивать. Давайте мы покажем других поэтов, которые тоже работают в силлабо-тонической манере. Почему Андрей Василевский никогда не печатал Валерия Прокошина при жизни? Ни разу. Почему? Потому что печатали охотно сами себя. А Валерий Прокошин – замечательный русский поэт, умерший в 49 лет. Или Юрий Беликов из Перми. Почему не было ни одной его подборки в «Новом мире»?

Давайте создадим возможность сравнивать. И тогда мы увидим, что есть авторы, серьёзно преувеличенные, а есть недооценённые. Должна быть возможность компаративного анализа. Вот для этого я, собственно, и работаю. Не нужно сравнивать Гандлевского и Кацюбу. Нужно сравнивать поэтов в тех рамках, в которых они работают. Давайте сравнивать Гандлевского, Беликова, Арутюнова... множество авторов, которые работают в силлабо-тонике, но которые не так широко представлены, как мой давний хороший знакомый Кенжеев, литературным агентом которого я был 20 лет назад.

И свою работу, как видите, сделал неплохо. Но это было 20 лет назад. Так давайте посмотрим и на других. Вот почему важны литературные журналы. Вот почему важен «Журнальный зал». Вот почему я создал «Читальный зал». Чтобы показать разных авторов. Поэт не отвечает за литературных менеджеров. Я как раз пишу в этой статье... Гандлевский – ангелоподобный человек, который работает в журнале «Иностранная литература», пишет два стихотворения в год и знать ничего не знает о «нюансах» так называемого литературного процесса. Важна сама ситуация, и важно, чтобы литературные менеджеры, литературные критики, пиарщики не перегибали палку. А это сейчас происходит. Вот против чего я выступаю. И делаю это старым проверенным способом: я публикую... издаю... Через меня проходят тонны рукописей. «Вест-Консалтинг» издаёт множество литературных журналов – «Знание-сила. Фантастика», «Крещатик», «Зинзивер», «Дети Ра», альманах «Илья», жур-

нал «Футурум АРТ», журнал «Персона+»... Газета «Литературные известия» теперь выходит в еженедельном режиме. Сейчас я начинаю новую газету «Поэтоград». Это всё я издаю с одной целью – представить русскую литературу, русскую поэзию, прежде всего, в том огромном, выпуклом объёме, в котором она существует сегодня.

Саввиных. Верно ли я поняла, что присутствие издания в «Журнальном зале» – это что-то вроде знака качества? Несколько месяцев назад едва ли не по всем литературным интернет-ресурсам пронёсся шум по поводу того факта, что ЖЗ прекратил приём журналов, и первой «жертвой» этой политики пал журнал «Бельские просторы». Это уже довольно старая история, но, может, у Вас есть к этому какие-то новые комментарии?

Евгений Степанов. Интервью.

Степанов. Вы знаете, главные комментарии к этой истории оставил сам С. П. Костырко, художественный редактор портала «Журнальный зал». Я знаю позицию Сергея Павловича. И думаю так же, как и он, в данном случае. Нужен один огромный литературный портал – текстохранилище, в котором существуют все издания, которые выходят. Все. Это должна быть государственная целевая акция. Все журналы. Журнал «Тюткин и ко»... журнал «Литературные незнакомцы»... всё должно быть оцифровано. Однозначная позиция. Текстохранилище. С другой стороны, как себя позиционирует «Журнальный зал»? У нас своя культурная плат-

форма. У нас своё видение литературного процесса. Мы сами решаем, кого сюда приглашать. Указывать им, с точки зрения юридической, естественно, никто не имеет права. С моей точки зрения, как читателя, как редактора, я бы «Бельские просторы», естественно, принял. Я считаю, что палитра «Журнального зала» должна расширяться. И должен сказать, что определённые шаги в этом направлении они делают. По моим секретным оперативным данным, они сейчас включают журнал «Союз писателей». Вот это из того, что нового там появится. Объективно говоря, конечно, я лично «Журнальному залу» только благодарен. Потому что, если б я не мог размещать там свои издания, их читательская аудитория была бы в разы меньше. И это было бы похоже на то, что – как говорили в знаменитом фильме – провести брачную ночь без невесты. Ты что-то делаешь, делаешь, а тебя никто не читает. У меня был такой период, много лет назад, когда я издавал журнал «Окно», я всё делал сам – сам составлял, сам верстал, сам переплетал в одном экземпляре и сам... читал. Так что такой этап у меня в жизни уже был – журнал «Окно». Замечательный журнал. И потом я ходил и всем показывал, как сумасшедший: видишь, я тебя напечатал... видишь, я тебя напечатал. Но я такого больше не хочу.

Саввиных. Сейчас появляются другие литературные порталы... я обратила внимание на то, что журналы не считают для себя зазорным выставляться на разных порталах. Вот, например, совершенно новый портал... за год ребята сделали...

Степанов. «Мегалит».

Саввиных. Да. Поскольку там молодёжь очень интересная, мы сразу их поддержали, и они нас поставили... как бы впереди своего состава – мы охотно сотрудничаем с этими ребятами...

Степанов. Читал. Очень хороший портал.

Саввиных. Очень хороший. Это ведь не конкуренция?

Степанов. Совершенно верно! Мы не конкуренты, мы коллеги. По сути, мы единый организм, призванный оздоравливать литературную ситуацию.

Саввиных. И Саша Петрушкин, который курирует этот портал, тоже об этом постоянно говорит.

Степанов. Саша Петрушкин – замечательный человек. Мы с ним знакомы. Он прислал мне по электронной почте свои стихи несколько лет назад. Мне кажется, его ещё никто толком не знал. Я его «выловил». Начал активно его печатать. Потом я повидался с ним, увидел, что он абсолютно – в лучшем смысле – ненормальный человек. И это ему надо, и это, и это, и всё... Я понял, что это поэт, которого нужно поддерживать, но я не ожидал от него таких замечательных организаторских способностей. Молодец!

Саввиных. «Мегалит» за год сделали! От нуля.

Степанов. От нуля! И без копейки денег. На собственном энтузиазме. И встали вровень со всеми этими гигантами. И очень хорошо! Я считаю, что это просто здорово!

Саввиных. Евгений, что, на Ваш взгляд, происходит сейчас с нашей поэзией? Выправляется ли как-то постмодернистский вывих?

Степанов. По поводу палитры современной поэзии. Я призываю читательское сообщество понять одну простую вещь. И, собственно, этому посвящены все мои статьи и все мои изыскания в области современной поэзии. В русской поэзии существуют разные литературные традиции. Многовековые. Когда мне говорят люди несведущие, необразованные – вот авангардист поэт Тютюкин, потому что он пишет палиндромы, я отвечаю, ну, откройте любую книжку Сергея Бирюкова... где показаны эти палиндромы, которые написаны триста лет назад, двести лет назад. Когда один теоретик доказывает, что он изобрёл термин «смешанная техника», я говорю: вы съездите когда-нибудь в Каир, в музей этнографии, там вы увидите эту смешанную технику образца четырёхтысячелетней давности. Это всё в истории мировой культуры уже было. Зауми, которой многие редактора толстых журналов боятся, как чёрт лаdana, заумной поэзии более ста лет... Ребята, более ста лет! Это всё уже стало в определённой мере классической литературной традицией. Пугаться этого не надо. Не замечать этого не надо. Другое дело, что существует колоссальное, мощнейшее русло силлабо-тонической поэзии, которая никогда никуда не уйдёт и никогда не умрёт. Почему во Франции произошёл тотальный переход на верлибр? Потому что сама система рифмования во французской поэзии менее богата, чем у нас. Там ударение всегда на последнем слоге, набор рифм ограничен. У нас – простор для развития силлабо-тоники. Мужская, женская рифмы! Дактилическая, гипердактилическая!.. Простор! Но опять-таки – я повторяю – нужно научиться сравнивать поэтов, которые работают в силлабо-тонической манере, поэтов-верлибристов, поэтов-палиндромистов... это разные системы... Но это не значит, что если ты начал писать палиндромы или заумь, то у тебя автоматически появляется индульгенция. Число графоманов, которые пишут верлибры, ничуть не меньше, чем число графоманов, которые пишут рифмованные стихи. Процент тот же самый. Талантливых авторов рифмованных стихов единицы, то же самое можно сказать и о палиндромистах. Я их много издаю, но важен-то не приём. Важно, чтобы приём постепенно переходил в поэтическое качество. Когда Елена Кацюба пишет гениальные палиндромические стихи «Я и ты – балет, тела бытия»... то, что одинаково читается слева направо, и справа налево... тут же всё есть: и музыка, и метафора, и человек, личность. И так далее. А когда люди просто пишут эти палиндромы, и не появляется поэзии, это уже другое дело. Важно, чтобы поэзия возникала. Можно и рифмованное стихотворение сделать графоманской чепухой, а можно и в палиндроме добиться высокого результата. Пусть растут все цветы. Мы должны только ходить с лейкой и поливать. Пусть они растут, пусть растут – и постепенно литературоведы... увы, не критики! – поймут, оценят. Критика всегда социально ориентирована. Она всегда выполняет социальный заказ. Это не я сказал, это сказал профессор Тамарченко. Критика всегда выполняет социальный заказ, а литературоведение стоит над схваткой. Я призываю критиков быть хотя бы отчасти литературоведами. Хотя бы отчасти анализировать литературу, а не говорить общие слова. А так, конечно, нужно поддерживать самые разные направления. Они имеют право на существование, они давно уже стали классикой и традицией. И те, и другие.

Саввиных. Да. Я вот достаточно глубоко знакома с творчеством, например, того же Александра Петрушкина. И замечаю, как много эпигонов вокруг него вьётся... И вроде бы форму они старательно воспроизводят, но и только. А он очень болеет за них, всячески проталкивает везде... я ему говорю: Саша, вот Вас я готова читать и печатать, сколько угодно. Потому что в Ваших вещах – при всей их зауми – всегда что-то есть, энергетика какая-то особая... а Ваши мальчики – не дотягивают до Вас, они до самих себя-то не дотягивают.

Степанов. На сто процентов согласен. Вы просто повторяете то, что я ему сказал. Я ему сказал: Саш, но это же всё твои клоны. Ну, что я буду печатать ослабленного Петрушкина? Никому не нужен второй Петрушкин. Никому не нужен второй Бродский, второй Айги...

Саввиных. И ещё. В ноябре у нас в Красноярске будет традиционная книжная ярмарка. Красноярская ярмарка книжной культуры, которую проводит Фонд Прохорова. В связи с этим – вот такая ещё линия. Последние полгода мы – всё с тем же Сашей Петрушкиным и порталом «Мегалит» – работаем над созданием Международного альянса русскоязычных литературных журналов. Сейчас Меморандум, который мы разработали, подписали 17 изданий, и мы очень хотим Учредительную конференцию собрать, насколько это получится, – здесь многое зависит от финансирования, – но нам очень хотелось бы, чтобы хоть какая-то часть людей приехала к нам – в ноябре, и заодно приняла бы участие в ярмарке. Не могли бы Вы приехать?

Степанов. Буду стараться. В принципе идея правильная. Я её поддерживаю. И буду стараться.

Москва. У Святого Георгия.

Ну, что ж... похоже, громада Журнальной Жизни медленно, но верно трогается с места. И матросы взбодрились, и ветер попутный, и паруса романтически шумят. Куда ж нам плыть? Наверное, время покажет.

20—26 июля 2010 г.

Москва

II

Лучезарный middle class, или Герои нашего времени?

Москва! Как много в этом звуке...

Если бы кто-нибудь ещё в прошлом году сказал, что я буду скучать по Москве, я саркастически рассмеялась бы ему в лицо. Мы уже тут – зело за МКАД-ом – привыкли к отвычке, что Москва – «великая, могучая, никем не победимая... и самая любимая». Мы уже привыкли, что она, в своих мажорных «растопырах», есть, не боле, не мене, как «подлое сердце родины». И даже как будто приуловились признать, что наша родина (с подлым сердцем!) – сплошная Катынь, вследствие чего нам, её тем более подлым детям, за последние сто лет и гордиться-то нечем, а посему, чем скорее плюнем в это подлое сердце, тем скорее протопчем путь... не иначе, как в Царствие Небесное.

Весной 2011-го года Москва поразила меня какой-то – прежде не виданной – сосредоточенностью. Как человек, у которого врачи нашли смертельную болезнь, но не могут наверняка сказать, сколько ему осталось. Нет, дух Ивана Калиты по-прежнему гуляет тут денно и ночью, напоминая о себе всюду – от роскошных бутиков до привокзальных задворок... Но!

Москва – так трогательно противоречива, её контрасты каждую минуту заставляют вспоминать о пресловутых «мировом городе» и «мировой деревне», расположенных иной раз в сотне метров друг от друга... здесь чуть ли не на каждом углу – в открытую! – орудуют виртуозы лохоторона и льютя невидимые миру слёзы отдельно взятых человеческих драм... Предприимчивость столичных «бендеров» изумляет не меньше, чем легковерие их простодушных жертв. Пример, что называется, «с колёс». На Павелецкий вокзал каждые полчаса прибывает аэроэкспресс. Поток пассажиров с перрона сразу устремляется к кассам метро, образуя естественный затор у первого же попавшегося на пути окошка. Возникает длиннющая очередь, в которую тут же, как бакланы в рыбий косяк, начинают нырять весёлые ребята, предлагающие купить у них проездной билет ровно в два раза дороже, чем в кассе, – зато без очереди. И ведь находятся желающие! Те, кому не хватило сообразительности пройти шагов тридцать и свернуть за угол – в кассовый зал, где не менее трёх таких окошек продают билеты без малейшего намёка на какое-либо неудобство. Очередь рассасывается в считанные минуты, но за это время «бакланы» успевают нахватать рыбёшки и – не скрываясь, собравшись в кучку у газетного киоска, – о чём-то толкуют меж собой. Должно быть, делятся впечатлениями. Вид у «бакланов» вполне себе даже интеллигентный... Облапошив жертву, такой баклан охотно и бесплатно предоставляет ей услуги справочного бюро: как удобнее добраться туда-то и туда-то, на какой поезд сесть, на какой станции выйти, на какую перейти...

О, Москва!..

Уже на обратном пути мы с Мишей Стрельцовым, отягощённые непосильным грузом духовной пищи (ибо кто ж из провинциальных писателей не везёт из Москвы книги, тяжелее которых – по крайней мере, на весах в аэропорту – только бутилированный алкоголь?!), выпали из вагона метро на Павелецком, даже в общих чертах не представляя себе, как всё это, простите, допереть до перрона... и тут, подобно ангелу, посланнику небес, перед нами прямо из воздуха соткался тщедушного вида длинноволосый юноша со складной тележкой...

«За сто рублей, – куда хотите!». Он ловко утряс на тележке наши неподъёмные сумки, перехватив поклажу ремешками, и помчался по туннелям и переходам с такой скоростью, что мы едва за ним поспевали.

При этом он умудряется по пути дать нам точнейшие инструкции, где выгоднее купить билеты на экспресс, и даже указать (что очень кстати), где находится единственный на вокзале бесплатный (служебный!) туалет. Как весело бежать за неутомимым, словоохотливым носильщиком, болтая с ним по ходу о том, о сём (тут же выясняется, к примеру, совсем не дюжинный круг его читательских пристрастий!) ... стоп – прибыли. «Спасибо, друг! Дай Вам Бог...» – «Четыреста!» – «Что – четыреста? Вы же сказали – сто» – «Ну, да... сто. За каждое место».

Я хохочу. Я готова расцеловать мальчишку в обе щёки. Я сую ему пятьсот одной бумажкой и почти кричу: «Сдачи не надо!». Мы – как брат и сестра на Страшном суде – прожигаем друг дружку восхищёнными взорами. И расстаёмся навеки.

О, Москва!

Лица москвичей темны и осмысленны. На эскалаторе в метро всё время с кем-то встречаешься взглядом. И не оставляет ощущение, что кто-то тебя узнал и ты узнала кого-то... Кого? Каждый такой взгляд глубок – запредельно.

Да, Москва, изрядно же тебе досталось в последние годы...

Сибирский Атомград в журнале «День и ночь»: московские встречи

Мы приехали в Москву по приглашению Исполкома Международного сообщества писательских союзов – представить московской публике журнал «День и ночь», второй год сотрудничающий с МСПС в благом деле пропаганды художественной литературы, создающейся ныне на постсоветском пространстве, а заодно познакомить москвичей с творчеством замечательных сибирских публицистов, живущих в Зеленогорске, бывшей «сорокпятке», закрытом городе, построенном в Красноярском крае пятьдесят пять лет тому назад. Внимание к литературе закрытых городов заметно растёт. Атомные, космические, военные предприятия, сосредоточенные в этих зонах за колючей проволокой, определили карьеру и личные судьбы многих выдающихся учёных, инженеров, руководителей времён развивающегося и развитого социализма. В подавляющем большинстве своём это были люди неординарные, а творческий потенциал, как известно, неизбежно реализуется в разных направлениях. В этих «девятках», «десятках», «сорокпятках» и прочих «почтовых ящиках» постепенно развилась особая культура – по-своему, рафинированная; по-своему, дерзкая; по-своему, иносказательная. Ориентированная на собственную героину и собственный нравственный ценз.

Поэтому так важно нам казалось не только печатать работы зеленогорских публицистов, но и всемерно их «пиарить», как сейчас говорят. Георгий Листвин, написавший документальную эпопею о походе отрядов адмирала Колчака, которые отступали по льду Кана и Енисея в 1919 году, и Геннадий Волобуев, рассказавший о судьбе генерала Александрова, фактически построившего Зеленогорск, 21 апреля стали гостями презентации в конференц-зале Исполкома МСПС и снискали отнюдь не равнодушный приём.

Кажется, нам были искренне рады. За накрытым к встрече фуршетом мы лично познакомились с авторами «ДиН», с которыми прежде были знакомы лишь заочно, и приветствовали старых друзей – Москва прирастает друзьями. Это факт.

А на следующий день главный редактор журнала «Контрабанда» Алексей Караковский пригласил нас в арт-кафе «Колония», которое находится практически в самом центре Москвы, в одном из помещений на первом этаже громадного красно-кирпичного здания – шоколадной фабрики «Красный октябрь». Сразу скажу (чтобы не снижать подобными высказываниями градус дальнейших бесед) – там такой кофе! и такое пиво! и такие сэндвичи! что только ради них я, не задумываясь, проделала бы снова путь от Красноярска до Москвы – в сравнении с затратами на авиабилеты стоимость предлагаемых в «Колонии» яств вполне приемлема для кошелька средней упитанности.

Занимательная культурология

Кафе «Колония».

Алексей Караковский. Марина Саввиных.

Саввиных. Алексей, расскажите, пожалуйста, о Вашем журнале «Контрабанда». Почему вдруг – «Контрабанда»?

Караковский. Наверное, мы искали просто какое-то подходящее хулиганское слово, которое каким-то образом могло охарактеризовать наши планы. Тем более, мы много чего делали исподволь, много придумано на форуме в Липках. Компания была отнюдь не стихийная, она была заранее очень тщательно подобрана, и Фонд Филатова позвал всех этих людей целенаправленно. Было что-то такое вроде тайного совещания, тайной вечери. Ну, а в дальнейшем журналисты отрывались уже на том, чтобы как-то истолковать это название... и в последнее время трактовка музыкального журналиста Ильи Морозова мне очень импонирует. Он считает, что мы «контрабандой» доносим до общества и отдельных людей – я вообще склонен думать, что мы работаем, скорее, для отдельных людей, чем для общества, – наши ценности и информационную среду, которая сейчас не на виду, которая спрятана где-то очень глубоко среди потоков «жёлтой прессы». Он считает, что наша функция – чисто просветительская, образовательная. Такое вот «просвещение из подполья».

Саввиных. Это журнал литературный?

Караковский. Он начинал как литературный. Но мы быстро пришли к выводу, что не стоит загонять себя в узкие рамки, и постепенно стали меняться; сначала мы чисто механически расширили рамки журнала, включив туда музыкальные разделы, посвящённые театру и кино, архитектуре даже. А потом в какой-то момент выяснилось, что основная задача журнала, в общем-то, – замечательно проводить время тем, кто его делает.

Поэтому решили больше не стесняться и теперь пишем обо всём, что в голову придёт. Последний номер где-то на треть был посвящён проблемам педагогики.

Саввиных. Как Вы можете охарактеризовать тот круг, который выпускает «Контрабанду», потребляет «Контрабанду», живёт «Контрабандой»? что это за люди?

Караковский. Сами «контрабандисты» – люди, в основном, состоявшиеся. У нас, в общем-то, всё есть. Маша Полянская – вполне себе удачная бизнес-вумен. Серёжа Савоськин разрабатывает какие-то сложные системы. Саша Холмогоров в офисе работает. У него тоже всё замечательно. Алексей Ануфриев – мой партнёр по издательскому бизнесу. Можно сказать, что мы – состоявшийся средний класс, которому просто захотелось удовлетворить свои интеллектуальные потребности.

Саввиных. Есть ли какие-то традиции, на которые вы опираетесь?

Караковский. Сплошь. А есть ли предшественники? Предшественники как таковые – это мои предыдущие проекты. В каждом из них содержалось многое из того, что здесь аккумулировано. В каждом журнале обязательно есть подборка афоризмов Андрея Налина, у которого есть свой сайт andrenalin.ru. Этот сайт полностью выстроен в эстетике афоризмов, которые идеально подходят под концепцию «Контрабанды». Со стороны кажется, что общего много.

Что одно выросло из другого. А на самом деле, это самостоятельные параллельные явления. Когда мы собираемся вместе, каждый привносит свою собственную эрудицию, своё чувство юмора, свой вкус и даже то, над чем можно смеяться. В принципе, у всех есть какие-то особенные фишки. Я, например, очень люблю обсуждать что-нибудь из музыкальной тематики, что, в общем, не удивительно, или богословское – я в этом разбираюсь. Маша Полянская обожает тонкие шутки на тему эротики. Если Лёша Ануфриев принимает участие, периодически бывают меткие шутки по поводу ислама.

Саввиных. Но ведь это культурология! «Занимательная культурология»...

Караковский. Да, культурология. Мы, по сути, все в той или иной степени культурологи. По образованию, роду деятельности. Савоськин, если не ошибаюсь, технарь по образованию, ходит с русско-венгерским разговорником и постоянно нас грузит на тему того, как там всё здорово... в финно-угорской группе языков.

Саввиных. А какие ещё проекты есть у Вас, кроме журнала «Контрабанда»? ведь Ваша деятельность не сводится только к этому?

Караковский. Да, у нас постоянно идёт культурная жизнь. Я думаю, это как раз секрет нашего долголетия. Нам не надоедает заниматься тем, чем мы занимаемся, потому что мы постоянно переключаемся с одного на другое. Мой личный проект – рок-группа «Происшествие». Каждый наш концерт увязывается либо с презентацией «Контрабанды», либо ещё с каким-то культурным событием, которое мы же, как правило, организуем. Так вот, даже в группе «Происшествие» только один-единственный человек не является автором журнала, все остальные так или иначе там публиковались. В частности, наш барабанщик Саша Умняшов перевёл книгу Грэйла Маркуса, посвящённую истории контркультуры. Эта книга сформировала нашу точку зрения – вне контекста журнала. Фестиваль «Пересечение границ», у которого есть свой культурологический смысл. Я считаю, что поэзия в чистом виде смысла лишена. Поэтому надо её либо помещать в определённый контекст, и тогда этот смысл начинает в ней активизироваться под воздействием какого-то реагента, либо помещать её в какую-то сложную конфликтно-психологическую среду. Этой причиной, мне кажется, обусловлено то, что сетевая поэзия на определённом этапе была очень хороша именно потому, что там была постоянная ругань. Люди себя держали на определённом уровне. Сейчас, когда ничего такого не происходит, уровень закономерно упал. В общем, «Пересечение границ» было придумано именно с целью задать темы и посмотреть, что из этого получится.

Получилось неожиданно удачно. В основном, за счёт тех ребят, которые отношения к литературе не имели. Приезжали интересные люди, путешественники, рассказывали о местах, где они бывали, были музыкальные группы на этих фестивалях, художники, фотографы, кинорежиссёры. И вот, когда эта «движуха» пошла, выяснилось, что на самом деле все поэты, помимо того, что пишут стихи, удачные, неудачные, не имеет в данном случае значения, они, оказывается, ещё очень интересные люди.

И это как раз и вышло на первый план. Я считаю, что эта идея действительно того стоила.

Что ещё? Недавно мы завели record label, то есть студию, которая выпускает диски. Мы собираемся заниматься рок-музыкой и авторской песней. Планы пока не вполне ясны. Но это будет нечто иное, по сравнению с фестивалем «Пересечение границ». Это будет ближе к журналу «Контрабанда». У нас достаточно смелые шутки на политические темы, так что label у нас будет... с гражданской позицией...

Саввиных. Алексей, что ещё Вы хотели бы сказать читателям нашего журнала? Молодым людям, которые его читают и в него пишут. У нас же журнал тоже такой... он очень внутренне «полярен». Мы даже думаем, а не покрасить ли его страницы – пополам... чтобы так и было – «день и ночь». На белых страницах что-то такое традиционное... а на серых – авангардно-молодёжное. Вроде того, что делает «Контрабанда».

Караковский. О, я бы не сказал, что «Контрабанда» молодёжная... мы занимаемся вполне традиционным юмором, просто несколько без башни... потому что мы люди такие. Молодёжь? Да, у нас есть несколько талантливых девочек и мальчиков в районе двадцати лет. Но основные организаторы старше – мне 32, Маше Полянской, если не ошибаюсь, 44, все остальные находятся посередине. А старшее поколение у нас – это Ковальджи, ему 80 лет. По поводу вашей дизайнерской идеи... мне кажется, лучше оставить, как есть. «День и ночь» заявлен как журнал для семейного чтения. Пусть так и будет. Он, по-моему, сейчас идеально соответствует этой концепции. Что касается советов, то надо, во-первых, довериться интуиции; во-вторых, не бояться простоты. Я отчётливо вижу тенденцию, которая меня не радует: литераторы как люди культурные и эрудированные любят показывать свой ум, из-за чего и произведения с повышением мастерства становятся совершенно неудобоваримыми. Их никто, кроме литераторов, читать не может. Поэтому, чего тут удивляться, что литераторов больше, чем читателей?

Саввиных. Хочу написать статью, которая называлась бы «И снова о прекрасной ясности».

Караковский. Вот-вот-вот... Мы опубликовали в последнем номере «Контрабанды» переводы американского поэта Шелла Силверстайна, который пишет примитивные стихи, очень часто на уровне плинтуса, – и всё это рассчитано на подростков-старшекласников. Там есть золотые слова, что Силверстайн вернул американским детям любовь к чтению. Ну, так я думаю, это не самый худший пример американской литературы.

Алексей Караковский

Всё это время Алексей, как ребёнка, держал на коленях гитару, которая, наконец, завздохала. И мы слышали песню. Вот такую:

На станции Тайга всю ночь стоят составы,
На станции Тайга ветер рвёт провода,
Внутри меня война, ведь ты вчера сказала:

«Убей в себе врага, убей в себе врага!»
В этих ссыльных краях ускользнуть не удастся,
И нет смысла брать в плен, мы и так здесь в плену,
На морозе любовь примерзает к пальцам,
Это танцы на льду, танцы мёртвых на мёртвом льду!
«Кан» значит «кровь» – как не знать это слово татарам,
Чьи кольчуги ржавеют на дне сибирской реки,
А могила – ну что ж, просто слишком тесные нары,
А побег – что побег, вся наша жизнь вопреки.
Станция, впереди станция железной дороги,
Горят фонари. Представляешь, горят фонари!
Включение света означает рефлекс тревоги,
Внимательнее смотри, внимательнее смотри!
Мне хочется стрелять, когда ты твердишь о мире,
Зовёшь в штабной вагон, манишь из-за спины,
Для тебя боевой офицер —
сексуальная фантазия в съёмной квартире,
Но когда нас убьют, ты примешь условия этой войны!
На станции Тайга всю ночь стоят составы,
На станции Тайга ветер рвёт провода,
Качается фонарь в руке комиссара,
Я готов ко встрече с тобой,
Спеши, мой враг, спеши сюда...

Кофе, символы, слова

Пока мы беседовали с Алексеем, в кафе то и дело входили люди, заказывали кофе и сэндвичи, слушали, чего мы там толкуем и поём, – и видно было, что пребывать в потоке артистической жизни – для них вещь, совершенно естественная.

Ведь «Колония» – не просто точка общепита, это и художественная галерея Игоря Кормышева, и библиотека, и литературный салон... Когда хозяйка кафе Мария Полянская присоединилась к нам, я и к ней пристала с вопросами.

Саввиных. Мария, расскажите, пожалуйста, о своём заведении. Оно нам очень понравилось. Очень уютно, приятные лица у посетителей. Всё сделано для того, чтобы человек, который интересуется искусством или как-то чувствует себя к нему причастным... чтобы ему было хорошо.

Полянская. Очень приятно, что вам здесь хорошо. И что хорошо людям, относящимся к той категории, о которой Вы говорите. Здесь все бывают – от рок-певцов до писателей, художников... все, кто интересуется искусством. Идея этого заведения сначала возникла у Игоря Кормышева. У него всегда была мысль как-то совместить форматы.

До этого у нас уже была галерея, а тут мы решили сделать кафе, пусть будет так: произведения искусства, а потом хочется есть, обсудить – с людьми своего круга. И мы, конечно, рассчитывали на то, что такая атмосфера здесь будет.

«Колония» – это кофе. Это бренд Игоря. Чай, кофе... колониальные товары для России. Кофе. Символы. Слова. Символы – это картины. А слова – это мои книги. Эта формула – она у нас в первой книге ещё отразилась. «Чужестранка». Слова – Мария Полянская. Символы – Игорь Кормышев. Кофе. Символы. Слова. Эта формула уже всё предопределила. И это заведение. И то, что мы здесь проводим мероприятия, литературные и художественные...

Мы поняли, в конце концов, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Я даже не беру культурную составляющую... тут такое историческое место, приятное, намоленное... Я знаю историю «Красного октября», знаю историю этой фабрики, в детстве нас сюда водили на экскурсии... здесь так пахло шоколадом! В цех мы приходили, и я думала: как они работают, когда вокруг столько шоколада? И нам давали конфеты... Помните, в семидесятых, когда в магазинах ничего – и конфеты с «Красного октября»... «Мишка», «Белочка»... мы могли взять столько, сколько хотим... там бракованные лежали в чанах... и мы гордились: такое богатство несёшь домой! Это место все помнят. Здесь, кстати, в своё время был закрытый кинотеатр, где показывали кино на английском языке. Для тех детей, которые учились в английских школах. Я здесь смотрела английское кино. Помню очень хорошо, как нас сюда водили... Эта атмосфера идеально легла. Люди знают, что у нас здесь можно посидеть, поговорить, пообщаться.

Можно застать художника за работой. Алёша здесь поёт. «Контрабанду» мы здесь пишем. Но при этом вход остаётся открытым. Пожалуйста, люди заходят. Кто-то хочет посидеть. Некоторые просто заходят ради атмосферы. Мы тут дни рождения справляем, всякие семейные праздники – и не закрываем кафе. Просто заходят люди – а мы не помешаем? – Да нет. Это ведь тоже очень специфично. Люди, которые к нашему кругу не относятся, сюда не заходят. Наталья, жена Лёши, здесь поёт. Как она пела недавно! Потрясающе! Я всё надеюсь, что Наталья начнёт у нас петь регулярно. Что она будет устраивать камерные вечера. Вместе с Алексеем.

Это будет наша визитная карточка. Они будут петь, будут приходить люди. Они когда начинают здесь петь, тут же люди приходят. Мы поём и читаем... здесь можно читать стихи

и при этом не бояться, что окружающие будут неодобрительно смотреть, смеяться... у нас сейчас появился новый формат «Октябрятская толкучка». Это вот как раз спасение утопающих.

Мы на многих площадках на «Красном октябре» организуем мероприятия типа eatducation. Это, в основном, конечно, рестораны, кафе, но там проходят мастер-классы, какие-то лекции. У нас каждый час расписан. С двенадцати до вечера у меня расписаны галерея, кафе, приходят волонтеры, помогают всё это организовывать.

Приходят талантливые люди. Мы здесь литературные презентации делаем. Люди сидят и слушают, как читают стихи. Бывает, яблоку упасть негде. Ну, где ещё найдёшь такое место, где можно за одним столом с хозяином посидеть, побеседовать, поговорить об искусстве, посмотреть картины, перформансы... Игорь делает потрясающие перформансы. Всё это – такая жизнь. У нас кафе – живое. И это требует постоянного нашего присутствия. Нельзя уйти и оставить управляющего: дескать, ты тут всё организовывай. Это уже будет история «про еду». А у нас здесь – не «про еду». А про кофе, про символы и про слова.

Саввиных. Мы привезли свой журнал... несколько экземпляров. Если кто-то захочет взять – пусть люди берут, знакомятся.

Полянская. Спасибо большое. Вы заметили – у нас много литературы лежит на столах. Люди берут читать. Бывает, подходят – набирают гору книг и журналов, садятся и смотрят. Многие говорят: мы будем к вам ходить читать.

В кафе «Колония»

...Звучала негромкая музыка; негромкие разговоры за соседними столиками... иногда коротким грохотом напоминала о себе кофемолка... пахло чем-то непередаваемым, горьковато-пряно-сладким... И было так приятно смотреть на уверенную в себе, свободную, умную

и очаровательную молодую женщину, поддерживать интеллигентную, но лёгкую беседу и – чувствовать себя «в своей тарелке». Как давно уже не было...

От Волхонки до Чистых Прудов

Максим Лаврентьев, главный редактор журнала «Литературная учёба», в день нашего отъезда зашёл за нами в ресторанчик у Курского вокзала, где мы обедали, и увлёк с собой по маршруту, освоенному им... как собственные стихи. Впрочем, оказалось, что это вовсе не беспочвенные фантазии восторженной экскурсантки, которую ведут по тайным тропам неисчислимых исторических перипетий. Стихи действительно есть! Целая поэма. Её строфами буквально схвачено наше недолгое, но увлекательное путешествие по весенней Москве – странно немногочисленной, пронизанной солнечным светом, овеваемой прохладным ветром, такой непритворно гостеприимной и такой ласковой... Вот эта экскурсия – слово в слово, разве что со сдвигом вспять дней этак на двадцать-тридцать!

Максим Лаврентьев Кольцо

I.

Там, где на месте сталинской воронки
Поднялся вновь дебелий храм Христа,
Покинул я ту сторону Волхонки
И перешёл на эту неспроста:
Признаюсь вам, в Российский фонд культуры
Я нёс бумаги для какой-то дуры.

II.

И опоздал, конечно. (Как назло
Всё время попадаю в передряги!)
Обеденное время подошло.
Ну что ж! Охранник передаст бумаги.
Пускай она заслуженно поест,
А мне пора освободить подъезд.

III.

Вот спуск в метро. Но день такой весёлый,
Что захотелось погулять, как встарь.
Так, помнится, пренебрегая школой,
Бродил я здесь. И тоже был январь.
Бассейн ещё пыхтел клубами пара,
Но полз троллейбус так же вдоль бульвара.

IV.

Покаявшись за прошлые года,
Зима повсюду сделала успехи.
Лопатами крошили глыбы льда,
Сгребали снег бесстрастные узбеки.
А дальше впереди бульвар был пуст
И гулко отдавался снежный хруст.

V.

Направо поперёк бульвара лодка
Дурацкая привычный портит вид.

А в лодке, словно за неё неловко,
С собой несхожий Шолохов сидит.
И, опасаясь новых козней вражых,
Налево убегает Сивцев Вражек.

VI.

А вот и Гоголь. С ним произошла
Лет шестьдесят назад метаморфоза:
Измученного лицеизреньем зла
Сменил здесь бодрячок официоза.
Прилизан и дипломатично сер
Сей дар Правительства СССР.

VII.

С верблюдом про себя сравнив кого-то,
Кто сплюнул под ноги на тротуар,
Я обошёл Арбатские Ворота
И на Никитский выбрался бульвар.
Он и у вас не вызвал бы восторга:
Театр скучнейший да музей Востока.

VIII.

Иное дело милый мой Тверской!
Да, потрудились тут, обезобразив
Бульвар старинный заодно с Москвой.
Но всё ж малоприметен Тимирязев.
И лишь Есенин, точно Командор,
Кидает сверху вниз нездешний взор.

IX.

Вокруг него собрание пёстрой шоблы.
Седые панки квасят без конца.
Скамейки оккупировали коблы.
Ни одного нормального лица!
Но эти морды наглые, косые,
Рифмуются с таким певцом России.

X.

Мелькает за оградой старый дом,
Чьи стены для меня всего дороже.

Должно быть, то Эдем или Содом,
Что для иных почти одно и то же.
Какие люди отрывались тут!
А я – я приходил в Литинститут.

XI.

Хотя какая к чёрту alma mater!
Мы разошлись, как в море корабли,
Но, вероятно, пересох фарватер,
И вот сидим и ноём на мели.
Уж лучше бы строчить нас научили
Для заработка – в день по доброй миле.

XII.

Нет, нет, шучу! Спасибо и за то,
Что мне профессор объяснил толково
(А он был дока и большой знаток):
Поэзия – не вычурное слово,
Прозрачность в ней важна, и глубина:
Хоть видно камни – не достать до дна.

XIII.

А вот и ты, чей образ богатырский
Оправдан в опекушинской броне.
Хоть мне гораздо ближе Боратынский,
Но ты его сильнее, ясней вдвойне.
И вижу я в конце дороги торной
Твой памятник – другой, нерукотворный.

XIV.

Гораздо больше облик изменён.
Венок лавровый, на плечах гиматий.
В руках – ещё с эпических времён—
Кифара для возвышенных занятий.
Три Музы возле ног твоих. И кто?
Евтерпа, Талия и Эрато!

XV.

Возможно, это подползает старость.
Я на ходу стал забываться сном.

И обратил внимание на странность,
Когда вдруг поскользнулся на Страстном:
Как тонет графоман в своём экстазе,
Тонул бульвар в сплошной весенней грязи.

XVI.

Неужто на Тверском была зима?
Здесь под деревьями чернеют лужи.
Я помешался? Мир сошёл с ума?
Невозмутим Рахманинов снаружи.
Вот он сидит ко мне уже спиной,
Прислушиваясь к музыке иной.

XVII.

Ну что ж! Займусь и я своей поэмой.
Пойду вперёд. А что там впереди?
Бульвар Петровский и – отдельной темой—
Цветной бульвар. Вперёд! Нет, погоди.
Чуть не забыл готового к аресту
Высоцкого. Хотя он здесь не к месту.

XVIII.

Итак, Петровский. Он почти что пуст.
Отсюда в незапамятные годы
К реке Неглинной начинался спуск.
Теперь её обузданные воды
Заключены в трубу, под землю, вниз.
Речные нимфы превратились в крыс.

XIX.

А в «Эрмитаже», где едал Чайковский,
Где Оливье свой изобрёл салат,
Сегодня в полночь будет бал чертовский—
В подвалах пляска Витта, маскарад.
Для этого арендовали бесы
Театр «Школа современной пьесы».

XX.

Шучу! Мне просто жалко ресторана,
Что был когда-то в доме угловом.

Хотя жалеть его довольно странно:
В одном он веке, я – совсем в другом,
И здесь не гибнут в похоронной давке
(Смотри на цифру следующей главки).

XXI.

Ах, на Цветном так много лиц весенних!
Ведь по Цветному бродит молодёжь!
Разбойничье тут светится веселье
В глазах потенциальных мародёрш.
Но, как ни хороша иная дева,
Пойду опять вперёд, а не налево.

XXII.

За Трубной начинается подъём.
Рождественский бульвар шатнулся пьяно.
В эпоху культа личности на нём
Была квартирка Бедного Демьяна.
А прежде, верно, ошивался тут
Ещё какой-нибудь придворный шут.

XXIII.

По Сретенскому прогуляться мало.
Короткий он, да и потребность есть
Здесь, на остатке городского вала,
Под чахленькими липами присесть.
Не так легко таскаться по бульварам,
А в этот раз – и рифмовать, задаром.

XXIV.

...

XXV.

Под «Грибоедом» затевают шашни
(И неслучайно: тут не遠деке
Вознёсся фаллос Меншиковой башни).
Друг друга дожидаются в тенике
И, быстро разобравшись в обстановке,
Идут по Чистопрудному к Покровке.

XXVI.

Пойду и я. На лебедей взгляну
В пруду продолговатом, что по данным
Анализом, опять, как в старину,
Пришла пора именовать поганым;
Не размышляя «быть или не быть»,
Куплю себе чего-нибудь попить.

XXVII.

Воспоминаний серое пальтишко
Я скину к чёрту и помчусь вперёд,
Туда, где ждёт уже другой мальчишка, —
Туда, на площадь Яузских Ворот.
И с веком наравне отправлюсь дальше,
В Заяузье, в Замоскворечье даже.

XXVIII.

Век двадцать первый! Не шали, малец!
По-нашему, ты пятиклассник типа.
Не столь суров, как страшный твой отец,
Но выковырял штамм свиного гриппа.
И всё же ты – чему я очень рад, —
Enfant terrible, а не акселерат.

Пушкинские интонации этих очень современных по духу и очень точных по инструментровке ямбов задели академические струны моей истерзанной верлибрами души – и я решилась, наконец, попытать Максима вопросами, не относящимися к нашей прогулке...

Саввиных. Существует мнение, что в последние несколько лет наметился некий «Ренессанс» литературной критики. Так ли это, на Ваш взгляд? Насколько состояние современной критики отвечает реалиям насущного литературного процесса? Можете ли Вы назвать имена самых значимых для этого процесса персон (имеются в виду критики и литературоведы)?

Лаврентьев. Начну с имён. Мария Ремизова – лауреат премии им. Белкина, сотрудник журнала «Октябрь», Анна Кузнецова и Евгения Вежлян из «Знамени» (говорят, последняя ещё и не без успеха ведёт семинар критики в Институте журналистики и литературного творчества), Игорь Фролов из «Бельских просторов», Сергей Беляков из «Урала». Непререкаемые «новомировцы» Ирина Роднянская и Владимир Губайловский. Алёна Бондарева, публикующая в последние месяцы острые обзоры журналов в «Литературной России», Андрей Руда-

лев, Кирилл Анкудинов, Михаил Бойко... Безусловно, вся экзокритическая группа «ПоПуган» (Елена Погорелая, Валерия Пустовая, Алиса Ганиева).

Назову ещё двоих, только входящих в литературу: Екатерина Ратникова и Борис Кутенков. Борис, публикующийся в том числе и в «ДиН», весьма, по-моему, неординарно мыслящий автор. Есть и другие, не менее интересные критики, а литературоведов – хоть пруд пруди! В иной ситуации все они, напрягшись, пожалуй, могли бы сделать погоду в литературе. Да и не только в ней, ведь литература обособлена лишь в профессиональном смысле, а её воздействие должно бы по идее распространяться гораздо более широко. Но справедливо ли будет говорить о каком-то особом ренессансе критики, если она всё же не самостоятельный жанр, а в первую очередь зависима от современной ей литературы? Не хочу присоединяться к хору нытиков, но и мне, как многим, кажется, что русская литература (я имею в виду только худ. лит., а не нон-фикшн) сейчас в упадке, и дело не в тиражах и не в количестве наименований на полках московских книжных магазинов, а в том, что в ней возобладали чуждая, категорически противопоказанная ей эстетика телесного низа. Причины случившегося глобальны и, в общем-то, слишком известны, чтобы вновь распространяться здесь о них.

Саввиных. Журнал, которым Вы руководите, называется «Литературная учёба». На протяжении многих лет (а я читаю его с 80-х годов) он действительно напрямую отвечал нуждам литературного образования – по крайней мере, в той его части, которая ориентирована на подготовку профессиональных прозаиков, поэтов, публицистов. Помню виртуозные разборы произведений начинающих авторов, которые печатались на страницах «ЛУ». Для многих они становились ориентиром в формировании оценок как чужих произведений, так и собственных, подталкивали совершенствоваться в авторедактировании... Как Вы думаете, оправдано ли – экономически и институционально – образование, направленное на становление профессиональных литераторов? Проще говоря, кому нужен Литинститут и ему подобные учебные заведения? Что это такое сегодня? Насколько востребовано такое образование обществом? Изменился ли студенческий контингент и в какую сторону? Об этом много говорят... (и комплиментарно, и резко критически) – какова Ваша позиция по этому вопросу?

Лаврентьев. В четвёртом и пятом номерах «Литучебы» за 2010 год мы давали довольно обстоятельный опрос современных литературных деятелей под общим заглавием «Литературный институт: pro и contra». Формальным поводом послужили известные публикации в «Литературной России». С аргументами за или против Литинститута выступили Виктор Топоров, Вера Калмыкова, Сергей Самсонов, Роман Сенчин, Сергей Арутюнов и многие другие. Тогда я воздержался, а теперь, пожалуй, выскажусь на эту тему. Профессиональное образование литератору, на мой взгляд, совершенно необходимо. Некоторым кажется, будто бы овладения элементарной грамотностью и некоторой начитанности вполне достаточно, чтобы в два счёта накачать роман или поэму. Кто-то даже так и пробует что-то писать, не сознавая примитивности своих расчётов. Но литература всё же является не меньшим искусством, чем музыка или живопись, и перспектива одолеть в ней всё с наскока – типичный самообман дилетанта. Литературный язык – инструмент ничуть не менее сложный, чем, допустим, фортепиано, будущему виртуозу потребуются годы учения. Тем более, если конечная цель не «чирик-пырик», сыгранный двумя пальцами.

Другое дело, что высшее учебное заведение, нечто вроде литературной Консерватории, должно, на мой взгляд, совсем иначе подходить к решению многообразных проблем воспитания будущих асов словесности. Разве молодые пианисты или скрипачи посвящают занятиям по специальности лишь пару часов в неделю? Между тем студентам литинститута для двух-трёхчасовых семинарских занятий отведён только вторник. Семинары чудовищно переполнены. При этом действительно талантливых, перспективных студентов – считанные единицы.

И никто ими всерьёз не успевает или не желает заниматься. Практики они тоже не проходят толком никакой. Да и что могут им дать руководители семинаров, люди, в основном, крайне пожилого возраста? Большинство из них сами уже десятилетиями не принимают никакого участия в литпроцессе.

Такой Литературный институт, по-моему, совершенно не нужен. Даже вреден, потому что обольщает молодых близостью к большой литературе, но не даёт им в сущности никакой профессии. Таким образом плодятся только озлобленная голь и нищета. И ведь из-за таких вот недопечённых «литературных работников» литинститутский диплом теперь вообще ничего не значит, даже если он был получен десять, двадцать, тридцать лет назад.

Саввиных. Разумеется, нас интересует судьба «ЛУ». Что ждёт журнал в ближайшем будущем?

Лаврентьев. В ближайшем будущем (во всяком случае, когда будет опубликовано это интервью) у журнала появится новый главный редактор. Дальнейшая судьба этого издания мне, разумеется, неизвестна, но могу предположить, что произойдёт возврат к состоянию 2008 года, когда «Литературная учёба» существовала уже более пятнадцати лет практически вне литпроцесса. О журнале попросту все забыли. В таких условиях мне и пришлось начинать работу, результаты которой были, в конце концов, кое-кем замечены и оценены. Мне говорили, что вот появилась-де некая живая альтернатива сухо-академическим «Вопросам литературы». К сожалению, за время почти трёхлетней работы удалось немного. Например, сделать журнал «местом силы», широкой площадкой для новой критики я так и не смог. Дело в том, что в «ЛУ», пользуясь до боли знакомой терминологией, надстройка совершенно не соответствует базису. О своих проблемах плакаться не буду, скажу только, что каждый номер собирався буквально каким-то чудом. Поработав в «Литгазете» и достаточно понаблюдав за другими редакциями, могу авторитетно заявить: ни одно издание подобного уровня не могло бы просуществовать в таких условиях и полугодя! «ЛУ» и меня всё же хватило на большее. Я слышал о желании владельца наполнить журнал подростковой литературой. Не представляю, как это удастся сделать без необходимых средств, но всё-таки желаю успеха.

Саввиных. Как Вы думаете, вернётся ли русская литература к традиционной для себя миссии духовного поиска, нравственного подвижничества, а русские писатели – к необходимости быть «инженерами человеческих душ»? А главное – нужно ли это? И если нужно – то кому? А если вернётся, то есть ли уже симптомы, какие-то признаки этого движения?

Лаврентьев. Русская литература никогда и не прекращала этой своей миссии. Да, в ней временно возобладали, как я уже говорил, противоестественные для неё тенденции. Но ведь есть и не поддавшиеся, не продавшиеся писатели! Их не так уж много, их, как всегда, единицы. Не нужно искать их среди воинствующего андеграунда или между так называемыми «ультра-патриотами», чаще всего, просто малокультурными мракобесами. Но вот они-то, эти единицы, и продолжают миссию русской литературы. Я, например, знаю одного очень крупного прозаика. В советское время он принципиально не печатался – не хотел, так сказать, сотрудничать с режимом. Не то чтобы как-то «диссидентствовал», а просто жил своей особой жизнью, имевшей мало общего с реальностью строителей коммунизма.

Только такой жизнью, полагаю, и должен жить настоящий художник. Так вот. Когда Союз развалился, одних мерзавцев у власти сменили другие. И лизоблюды, подъедалы от искусства тоже сменились. Одни перегрызли других. Что же сделал наш писатель? Продолжил жить своей параллельной жизнью – до лучших времён. И знаете, даже если эти «лучшие времена» настанут

через двадцать, сто, пятьсот лет, только у таких писателей и будет шанс «воскреснуть» тогда в своём тексте, ибо это именно их рукописи не горят.

Неужели новые герои?

Уже в гостинице, пакуя к отъезду сумки, я не могла отделаться от мысли, что нынешние московские встречи объединены для меня какой-то важной темой. Не зря дома, накануне, я ввязалась в Интернете в споры, инициированные Экспериментальным творческим центром. Не зря ломала копья с его красноярскими активистами. Предчувствия меня не обманывают... атмосфера заметно электризуется. И растущий магнетизм социального пространства всё сильнее притягивает нас друг к другу. Нас. То есть – средний класс... Пусть – в довольно-таки нетривиальной его модификации. Но всё же.

Жизнь без героев? Вспоминаю встревоженный голос Владимира Алейникова, несколько раз звонившего мне в аэропорт, – договориться о встрече.

Встретиться не удалось: здоровье поэта подорвано годами мытарств и отчаяний; накануне был трудный день – и Владимир Дмитриевич от волнения всё-таки слёг. Спустя несколько суток – он уже писал мне из Коктебеля. Великолепные в своей классической ясности стихи – не итожащие судьбу, отнюдь! Насыщенные тем самым предгрозовым электричеством, которое побуждает нас пробовать на прочность и понемногу трансформировать мир вокруг себя. Вспоминаю Наташу Слюсареву, её хорошую улыбку, её квартиру, наполненную рукотворными чудесами (художница, переводчица и писатель – она причастна творчеству далеко не косвенно и, кажется, ко всем его мыслимым метаморфозам), изысканный ужин, который она приготовила для нас с Мишей... а мы задержались с визитом чуть ли не на шесть часов! Не по своей вине, конечно... но до сих пор неловко, что она так долго нас ждала. При этом – с её стороны – ни тени раздражения или упрёка. Только радость и готовность к общению...

А те, кто моложе? Вспоминаю Алёшу Караковского, Серёжу Арутюнова, Максима Лаврентьева, Машу Полянскую... наконец, неутомимого подвижника Женю Степанова... Это – новые люди! Много и толком знающие, внутренне свободные, бесстрашные, целеустремлённые... словно специально вызванные к активности вот этой предгрозовой метафизикой, которая явно и неявно питает их своей энергией. Очень разные. Трезвые (иногда – до мрачного сарказма). Ироничные (иногда – до откровенного «стёба»). Без эгоцентрических предрассудков (что, пожалуй, самое главное). Но и без наивных упований на всецелое жизненное самотёка. Умеющие делать дело. И то, которое «бизнес». И то, которое – «благо». При этом – очень живые, очень сложные...

Очень люди.

Становится легче дышать при мысли, что они есть.

Нас не так мало, как может показаться среднестатистическому телезрителю или обозревателю блогосферы. И, в общем, ничего, что между нами чаще всего – сотни и тысячи километров физического пространства.

Мы найдём друг друга. Мы возьмёмся за руки.

И тогда?..

21 апреля—8 мая 2011 г.

Москва—Красноярск

III

В гостях у крымских аонид «Вновь я посетил...»

Море было большое. Выпрыгнув, наконец, из-за поворота всей своей отчаянной лазурью, оно повергло меня в умиление, в головокружительный восторг: в последний раз я видела Чёрное море тридцать лет назад – теперь оно было всё то же, почти нестерпимо лазурное, трепещущее, покрытое трогательными барашками... эпитета более точного, чем «лазурная», для черноморской волны не придумаешь. Это именно лазурь, *azuro*, единственное в своём роде сочетание бирюзы, изумруда и горного хрусталя. Пронизанное солнцем, дышащее... огромное – и, кажется, даже не ограниченное горизонтом, падающее всей своей ликующей массой куда-то за... в таинственные миры, море улыбалось мне широко и нежно. Ну, здравствуй, Понт Эвксинский... «вновь я посетил...»

Мне предстоит принять участие в двух больших литературных фестивалях, которые проводятся в Крыму при участии разных государственных и негосударственных инстанций. Один из них – «Славянские традиции» на Азовском море, в городе Щёлкино (мыс Казантип); другой – «Волошинский сентябрь» на Чёрном, в Коктебеле. Так сказать, союз морей, культур, языков и стилей... Разгар бархатного сезона.

Автомобиль летит из Симферополя в Коктебель.

Вдоль обочин шоссе мелькают рекламные плакаты на украинском языке – с портретами улыбающегося президента Януковича и «гарних дівчат та хлопців», уверяющих путешественников в своей безраздельной любви к Украине, – и на русском – с продвижением всего остального. Предпочтение русской речи в Крыму ощущается повсюду, украинский официальных фасадов и казённых бумаг смотрится вынужденной уступкой неодолимым обстоятельствам, что же касается устной «мовы», то её почти и не слышно. Русский язык для крымчан – не только средство общения, но и символ веры и верности. Это чувствуешь на каждом шагу.

Может быть, поэтому в «русскоговорящих» городах сопредельной братской страны предпринимаются специальные усилия по поддержке и развитию языка, родного для большей части населения. Такие программы приняты и реализуются в Донецке, Харькове, Одессе, Севастополе. Реализуются не без трудностей, но и не без достижений.

В Щёлкино я познакомилась с редактором уникального издания, напрямую связанного с этой работой, Татьяной Ворониной. Татьяна издаёт в Севастополе «Литературную газету» в её особой крымско-севастопольской модификации. Издание так и называется: «Литературная газета + Курьер культуры: Крым – Севастополь». Столь витиеватое название – не от хорошей жизни, конечно.

Татьяна заручилась поддержкой Юрия Полякова, главного редактора «Литературки», чтобы делать в Крыму некий особый её вариант. И «материнская плата», и суть «варианта» в названии должны быть отражены. Что и наблюдаем. Севастопольская «Литературка» выглядит как московская, известное количество полос в каждом номере – тоже московское, и качество местных материалов редакция старается держать «на уровне». Тем более заслуживает уважения её стремление удовлетворять потребности крымчан в достоверной информации

о прошлом и настоящем региональной культуры, русской по существу, крымской по бытованию.

А в Одессе совсем недавно вышел из печати первый номер нового литературного «толстяка» под названием «Южное сияние». Председатель фракции Партии регионов в Одесском городском совете Геннадий Труханов предварил пилотный выпуск такими словами: «Одесса всегда была, есть и будет городом писателей и поэтов, формирующих славу нашего города, подчёркивающих его колорит, создающих неповторимый образ Южной Пальмиры. <...> Мы испытываем чувство гордости от того, что стоим у истоков большого и важного дела, способствующего возрождению литературной славы Одессы и дающего возможность демонстрации творческих успехов одесских литераторов».

Получив из рук выпускающего редактора Сергея Главацкого элегантную тетрадь одесского «новорождённого», я тоже испытала законное чувство гордости, ибо к самому прецеденту наше детище, «День и ночь», имеет непосредственное отношение.

С Серёжей Главацким мы в электронном режиме обсуждали содержательные и формальные вопросы, связанные с первым номером «Южного сияния», за несколько месяцев до того, как новый журнал вышел из печати, и я даже написала по поводу его рождения проникновенное напутствие... вот оно, на второй странице: «Романтические, многосмысленные символы – северное сияние, Южный Крест... В названии нового журнала они причудливо соединились, образовав неожиданное иное значение, интригующее и тревожащее. Соприкосновение Севера и Юга – мост между мирами. Радуга. Верхний свет идеального – сколь прекрасного, радующего, столь и хрупкого, ускользающего, нуждающегося в непрерывной работе нашего воображения. Организаторы журнала самим его названием заявляют о претензии на высокий уровень публикаций и определённый содержательный ценз своего журнала. Дай-то Бог, как говорится! Во всяком случае, наше авторско-читательское сообщество с благожелательным интересом встречает „новорождённого“. Доброго пути ему! Неиссякаемых источников энергии – чтобы светить ярко и долго!»

Этот пафос и теперь кажется мне оправданным: участие Красноярска подчёркнуто в первом номере «Южного сияния» несколько раз, а зав. отделом поэзии здесь – поразительный факт! – Евгения Красноярова! Так что, как говорится, сам Бог велел!

Будем дружить домами. Тем более что среди публикаций – работы уже знакомых нашим читателям авторов. Кроме вашей покорной слуги, здесь напечатались Евгений Чигрин, Кирилл Ковальджи, Наталья Бельченко, Сергей Главацкий, старинные и новые друзья «ДиН». Вообще в номере fifty-fifty представлены одесские и иные авторы; присутствие иных, прямо скажем, его значительно усиливает. Явление, повсеместно свойственное региональным журналам, желающим выглядеть достаточно серьёзно. «День и ночь» и «Южное сияние» были в единой связке представлены на одном из вечеров Щёлкинского фестиваля. Но это – время спустя...

А пока я лечу на машине в Коктебель, обдуваемая пряным горячим ветром, и вспоминаю вчерашний день, Москву... свои смешные попытки распутать сеть улочек и переулков в поисках офиса Жени Степанова, который должен был вручить мне новенькие корочки Союза писателей XXI века – для меня и моих красноярских коллег (нас уже четверо в Красноярске – ячейка!) ... горячие споры о современном образовании, о русском языке, который только сейчас мы всерьёз осознали в качестве универсального средства межнационального общения, – с молодыми попутчиками в поезде Москва – Севастополь филологом Аней и философом Мишей Гусевыми (каких только встреч не бывает на этом маршруте!) ... но – море выпрыгивает, наконец, из-за поворота всей своей отчаянной лазурью, и я забываю обо всём на свете!

«Славянские традиции». Дух и буква фестиваля

В Коктебеле меня встретил Владимир Дмитриевич Алейников, легенда поэтического андеграунда 60—70-х. В его доме, атмосферой и устройством быта напоминающем тот, начала прошлого века, волошинский, в конце лета обычно гостят друзья – писатели, издатели, художники... Сам хозяин, крупный, седой, лохматый, с печальными и – тем не менее – сияющими глазами, с богатым, вибрирующим баритоном, словно нарочно созданным для пения стихов, кажется реинкарнацией «великого киммерийца».

Владимир Алейников. Коктебель.

А на следующий день я была уже на Азовском море – успевала захватить последние дни фестиваля «Славянские традиции». В нынешнем году он проводится в третий раз.

Цели его обозначены очень конкретно и как раз в духе тех размышлений, которые не оставляют меня в покое уже несколько лет, – о русском языке, о славянском единстве, о творческом общении людей, так или иначе понимающих русский язык в качестве предмета и инструмента своей профессии.

Беседую с координатором фестиваля, заслуженной артисткой России, поэтом, редактором литературного альманаха «ЛитЭра» Ириной Сергеевной Силецкой.

Саввиных. Ирина Сергеевна, как возникла идея фестиваля «Славянские традиции», кто стоял у его истоков? Какова – хотя бы в общих чертах – его концепция?

Силецкая. Идея фестиваля возникла у меня давно, но более конкретное представление, как его организовать, пришло ко мне после участия как финалиста и члена жюри в фестивалях в Европе, таких, как «Пушкин в Британии» в Лондоне, «Европа» в Праге, «Литературная Вена» в Австрии, «Русский стиль» в Германии. Хотелось проводить фестиваль в таком месте, чтобы писатели могли не только поработать, но и отдохнуть. Лучше Крыма ничего представить себе нельзя, этот полуостров всегда был литературной Меккой для писателей; кроме того, там есть возможность разместиться в пансионате «Крымские дачи». Но украинских русскоязычных писателей я знала далеко не всех. И тут помог случай: в Штутгарте осенью 2008 года я познакомилась с Юрием Григорьевичем Капланом, председателем Конгресса литераторов Украины и предложила ему провести фестиваль «Славянские традиции» в Крыму совместно с Союзом писателей России. Он горячо поддержал эту идею, мы договорились встретиться в Москве и обсудить все подробности. Зимой 2009 года Юрий Григорьевич приехал в Москву, был подписан договор о сотрудничестве КЛУ и СП РФ, мы сформулировали основные задачи фестиваля и началась работа по его подготовке. Я создала сайт фестиваля, мы дали объявления во всевозможные литературные источники, журналы, газеты и сайты. Я заручилась также поддержкой «Литературной газеты», газеты «Российский писатель», Литературного института им. А. М. Горького. Начали приходить первые работы на конкурс фестиваля, а к концу конкурса их было уже около тысячи. В августе мы с Юрием Григорьевичем планировали встретиться на фестивале, но в июле он трагически погиб... И тут оказалось, что он меня ни с кем не успел познакомить. Я нашла координаты Станислава Бондаренко из Киева, и с его помощью по интернету, а затем уже и лично на фестивале с Валерием Басыровым из Симферополя, Владимиром Спектором из Луганска и Сергеем Главацким из Одессы, вот с ними мы и провели наш первый фестиваль. В России меня поддерживали известные русские писатели Ю. М. Поляков, В. А. Костров, Е. Б. Рейн, С. М. Казначеев, В. Н. Казаков, Н. И. Дорошенко. Особенно была ценна помощь «Литературной газеты», так как её читают во всех республиках бывшего СССР и за рубежом. Концепция фестиваля вытекает из его названия. Задачи фестиваля – сохранить традиции классической русской литературы, русского языка, открыть новых талантливых авторов и помочь им стать известными, объединить русскоязычных писателей всех стран, особенно славянских, изучать, благодаря литературным переводам, современную литературу наших стран.

Саввиных. Кто может принять участие в фестивале? как оргкомитет отбирает авторов? кто входит в жюри?

Силецкая. До фестиваля проводится литературный конкурс, в котором могут принять участие все авторы старше восемнадцати лет, пишущие на русском языке. Главные участники фестиваля – это финалисты, победившие в литературном конкурсе, который проводится каждый год с 1 февраля в Интернете на сайте фестиваля. Но могут приехать и принять участие в фестивале и писатели, попавшие в лонг-лист, и просто гости. Произведения с присвоенными им кодами, анонимные, рассылаются членам жюри, а затем полученные баллы суммируются в компьютерной программе. На основании этих результатов формируются лонг- и шорт-листы, которые в конце конкурса публикуются на сайте; авторы, попавшие в шорт-листы, становятся финалистами фестиваля и приглашаются в Крым. За три года в жюри фестиваля побывали

многие известные писатели: В. Костров, Е. Рейн, Ю. Поляков, В. Казаков, К. Ковальджи, С. Казначеев, К. Кедров, Е. Кацюба, А. Олышанский, А. Торопцев, С. Айдинян, В. Басыров, В. Спектор, В. Шемшученко, А. Курейчик, О. Зайцев, С. Главацкий, А. Раткевич и другие.

Саввиных. Были ли какие-то серьёзные открытия за время существования фестиваля? Назовите

несколько самых звонких имён.

Силецкая. Да, на первом фестивале для меня были открытием имена одесских поэтов Л. Шарги, А. Щербаковой, киевских авторов И. Карпинос, А. Лемыша, С. Кривоноса из Сватово, Л. Некрасовской из Днепропетровска и многих других. На втором фестивале яркими авторами были А. Стреминская, С. Нежинский, И. Рейдерман, В. Шемшученко и другие. В этом году появились новые имена: А. Семькин и И. Василенко из Ильичёвска, Б. Канапьянов из Алматы, М. Шамсутдинова из Москвы, А. Константинова и П. Беседин из Киева и другие.

Силецкая. Какие мероприятия входят в «календарь» фестиваля?

Саввиных. Фестиваль «Славянские традиции» состоит из двух частей: конкурсы, на которых участники сражаются за места и награды, это интересно и увлекательно, и выступления поэтов – творческие вечера, презентации книг, проектов, журналов, литобъединений и т. д. Таким образом, каждый может участвовать в том мероприятии, которое ему ближе. Кроме того, устраиваются выставки картин, фотографий, просмотры клипов и фильмов участников фестиваля. За дни фестиваля писатели совершают много творческих поездок по литературным местам Крыма: в г. Феодосию (дом-музей А. Грина, музей сестёр Цветаевых, картинная галерея И. Айвазовского), в г. Керчь (библиотека им. В. Белинского, Аджимушкайский комплекс), в пос. Старый Крым (дома-музеи А. Грина, К. Паустовского, литературно-художественный музей), в Коктебель (дом-музей М. Волошина). Кроме того, проходят мастер-классы по прозе, поэзии, драматургии. А ещё, конечно, можно и загорать, и купаться в Азовском море. Стихи звучат и беседы длятся до глубокой ночи, и прощаться в конце фестиваля совсем не хочется.

Саввиных. Каким вы видите будущее фестиваля?

Силецкая. Будущее увидеть сложно, вечных проектов не бывает, когда-то фестиваль переживёт свою идею, но пока хотелось бы, чтобы к нему присоединилось больше авторов из славянских стран – Чехии (кстати, в прошлом году в фестивале участвовал Союз писателей Чехии во главе с Карелом Сысом), Польши, Словакии, Болгарии, чтобы участвовали писатели всех российских, украинских и белорусских союзов, чтобы мы не существовали каждый в своей поэтической тусовке, а знали творчество друг друга, больше хотелось бы слышать переводов современной литературы; к выполнению этих планов и будем стремиться.

Саввиных. О чём – вне протокола – вам самой хотелось бы рассказать нашим читателям?

Силецкая. А вне протокола мне хотелось бы рассказать об удивительно доброй, творческой и праздничной атмосфере, царящей на фестивале. Показать свои произведения авторитетным членам жюри, обсудить их на мастер-классе, познакомиться с авторами, стихи которых читали только в Интернете, поспорить друг с другом, подарить и принять в подарок книги,

попасть в среду себе подобных – большое счастье для пишущего человека. А если мы не создадим себе праздник, то кто?

Праздник состоялся. Правда, замученный вид Серёжи Главацкого и Жени Краснояровой, настойчиво, но деликатно опекавших меня во время Щёлкинской программы, яснее ясного свидетельствовал о том, что «всё прекрасное столь же редко, сколь и трудно», однако замученность эта не лишала их радостного подъёма и оптимизма. Мы подружились, что само по себе прекрасно.

Сергей Главацкий и Евгения Красноярова

«Волошинский сентябрь». Фестиваль и симпозиум

Коктебель – особое место. Старожилы – к ним относятся и многочисленные сезонные жители, которые десятилетиями приезжают сюда весной и которых язык не поворачивается назвать «дачниками», – уверяют, что потухший вулкан Карадаг, поднимающийся над маленьким курортным посёлком из вод морских, заряжает камни и воду целительными вибрациями; что тончайший воздушный коктейль морской соли и степных трав лечит тело и душу, а бессмертные тени великих, некогда обитавших здесь, придают скромным коктельским пенатам неизъяснимое обаяние.

Можно даже сказать, что здешние пенаты, «гении места», – те же аониды, музы, звонко-голосые, как цикады, и приветливые, как тонкие утренние облака.

Коктебель манит к себе «культурных туристов» всевозможными способами. Фестивали и праздники следуют один за другим. Только за первые две недели сентября здесь прошло несколько джазовых форумов, и атмосфера, в которую окунулись участники IX-го Международного научно-творческого симпозиума «Волошинский сентябрь», уже была определённым образом разогрета.

Андрей Коровин, сопредседатель Оргкомитета, ответил на мои вопросы об этом грандиозном событии.

Саввиных. Фестиваль-симпозиум «Волошинский сентябрь» проводится уже в девятый раз. Какова его история? Как развивались основные направления, структуры? Какие организации и персоны «приложили руку» к тому, что этот грандиозный праздник искусств не мельчает, а только набирает силу из года в год?

Коровин. «Волошинский сентябрь» был задуман в две тысячи втором году (вначале – поэтический конкурс, затем – литературный фестиваль и пленэр) с главной целью – возродить Коктебель как культурный центр, каким он был почти весь двадцатый век, начиная со времени Волошина.

В две тысячи третьем мы с директором Дома-музея М. А. Волошина Наталией Мирошниченко объявили первый конкурс с условием, что назовём победителей и вручим награды в Коктебеле. Так творческий люд потянулся «назад в Коктебель». Некоторые провели здесь детство и с тех пор не были по двадцать-тридцать лет, а некоторые приехали сюда впервые благодаря конкурсу и фестивалю. Наш проект восходит к духу волошинского Дома, и это во многом влияет на его развитие. Мы начинали фестиваль как поэтический, но скоро поняли, что без прозы нам не обойтись. На одном из фестивалей ярким событием стал турнир прозаиков. Затем в конкурсе добавились номинации критики и перевода, и фестиваль пополнился критиками и переводчиками. В две тысячи одиннадцатом году впервые учреждены две номинации – видеопоезии и драматургии. И участниками фестиваля стали видеорежиссёры и драматурги.

С нами начали сотрудничать и театральные режиссёры. С детскими писателями сделали проект – Детские дни на Волошинском фестивале. С самого начала параллельно с нами, а затем всё более сближаясь, проходит пленэр художников «Коктебель». Сегодня «Волошинский сентябрь» – это уже глобальный форум искусств. И новыми жанрами и видами искусства он будет только прирастать.

Я могу перечислить тех, кто стоял у истоков: это, конечно же, руководитель Дома-музея М. А. Волошина Наталия Мирошниченко, ваш покорный слуга, затем – директор заповедника «Киммерия М. А. Волошина» Борис Полетавкин, старший научный сотрудник музея

Игорь Левичев, поэт и тогда один из руководителей Союза писателей Украины, к сожалению, трагически погибший, Юрий Каплан, руководитель сайта Поэзия.ру Леонид Малкин, культуртрегеры Юрий Ракита и Андрей Новиков, поэты Юрий

Кублановский, Александр Кабанов, Алексей Остудин, Станислав Минаков, Ирина Евса, Андрей Грязов, Константин Прохоров, прозаик Этери Басария, прозаик и первый секретарь Правления Союза российских писателей Светлана Василенко, президент Благотворительного фонда поддержки современной русской поэзии «Реальный процесс» Анна Токарева.

Идея детской программы симпозиума принадлежит Елене Усачёвой и Анне Матасовой. Алла Басаргина, концертмейстер и женщина, радушно принимала нас в своём культурном центре «Вилла Basso». Несколько лет нашим незаменимым помощником был Лёша Ефимов. Каждый год кто-то отходит от этого фестивального водоворота, а кто-то напротив – втягивается. Активно включился в организационную работу московский поэт Евгений Чигрин. В прошлом году нашим гостем впервые был директор Института стран СНГ Константин Затулин. Он по достоинству оценил фестиваль и помог ему заручиться поддержкой премьер-министра Украины Николая Азарова. Неоценимую помощь оказал нам в этом году Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Содействие оказала Международная Ассоциация центров современной культуры «Живая классика». А стабильный состав учредителей симпозиума-фестиваля на сегодняшний день таков: Дом-музей М. А. Волошина, Коктебельский эколого-историко-культурный заповедник «Киммерия М. А. Волошина», Союз российских писателей и журнал культурного сопротивления «ШО». Постоянное содействие оказывают Министерство культуры Автономной Республики Крым и Коктебельский поселковый совет. Также хочется сказать отдельное спасибо конкретным людям, без которых нам было бы нелегко: Ирине Легоньковой, Александру Хачко, Дмитрию Коломенскому, Елене Усачёвой и Глебу Номерову, а также Анатолию Степаненко и Алексею Ушакову, которые вели фото- и видео-летопись симпозиума.

Саввиных. Что означает для организаторов и участников «волошинский дух» фестиваля? Соответствуют ли этому духу нерв, настроение и стиль поэзии и прозы, звучащих и обсуждаемых на мастер-классах, встречах и презентациях?

Коровин. Место и его дух создаются людьми. Здесь жил Волошин, и он был гением этого места, сюда тянулись лучшие и талантливейшие люди России. Затем был создан закрытый писательский Дом творчества, и здесь отдыхала советская творческая интеллигенция. Впрочем, и антисоветская тоже. Это был островок свободы – «интеллигентное» противостояние системе, недозволенные речи, стихийные нудистские пляжи, влюблённости, переходящие в нешуточные романы, в том числе – литературные, и, конечно, картины, книги, стихи. Например, свой знаменитый «Остров Крым» Василий Аксёнов написал здесь. Думаю, что количество произведений литературы и искусства, написанных в Коктебеле, просто не поддаётся статистике. Островок свободы здесь остался и по сей день. И замечательно, что в сентябре это место вновь становится культурным центром мирового значения, куда съезжаются творческие люди из разных стран мира, чтобы сотворять здесь общий проект под названием «Коктебель».

Вообще, «волошинский дух» – это в первую очередь дух творчества, высокого и серьёзного, но в том числе и озорства, розыгрышей, экспериментов. Поэтому, на мой взгляд, всё, что талантливо и не скучно, – близко Волошину.

Саввиных. Какую роль в организации и проведении конкурса и фестиваля играют литературные журналы?

Коровин. С самого начала мы ставили перед собой задачу – открывать новые имена и помогать талантливым авторам находить своих издателей. Поэтому в жюри Волошинского конкурса мы изначально старались приглашать редакторов литературных журналов. И эта традиция сохраняется, а участники конкурса действительно становятся авторами журналов, которые являются нашими партнёрами. Мы работаем со многими литературными журналами – это «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Дети Ра», «Урал», «Сибирские огни», «Крещатик», «Современная поэзия» и другие. В последнее время журналы часто объявляют тему, на которую нужно прислать произведения. Лучшие произведения и авторы, по выбору редакций журналов, публикуются на их страницах. Редакторов журналов мы приглашаем в Коктебель вести мастер-классы по поэзии, прозе, критике. И здесь происходит знакомство уже не только с произведениями, но и с их авторами, происходит живой диалог автора и редактора, ценность которого в литературном процессе является одной из первостепенных. Хочу добавить, что за девять лет нами было открыто немало имён, теперь известных в современной литературе. И всё это во многом благодаря нашим коллегам из литературных журналов. Так что их роль бесспорна и очевидна.

Саввиных. Как вы оцениваете динамику «качества» литературных произведений, предлагаемых авторами на Волошинский конкурс? Можно ли считать конкурс неким особым «зеркалом» современного всемирного русскоязычного литературного процесса (если только здесь уместно слово «всемирного»)?

Коровин. О всемирном говорить не готов, хотя в конкурсе действительно принимают участие авторы со всего мира – от Америки до Австралии. Всё-таки это определённый срез, а не доскональное изучение литературного процесса. Современная русскоязычная литература рассредоточена по всему миру и живёт своей, порой достаточно обособленной, жизнью. Лет семь-восемь назад в Москве не представляли, что происходит на Украине, например. Сейчас ситуация исправлена, во многом – благодаря Волошинскому конкурсу и таким фестивалям, как Волошинский и «Киевские Лавры». Белое пятно для нас пока – Беларусь, Казахстан, я уж не говорю о Киргизии или Таджикистане. Гораздо лучше мы знаем русскоязычный Израиль или Америку. Показатель динамики качества – публикации в литературных журналах. Произведения победителей и финалистов конкурса регулярно печатаются в «Октябре», «Дружбе народов» и других журналах, выходили специальные номера журналов «Дети Ра», «Урал», «Сибирские огни», посвящённые Волошинскому конкурсу. Я не знаю ни одного другого литературного конкурса сегодня, который был бы прямой дорогой в толстые журналы. Есть конкурсы, которые издают победителям книги или выдают денежные премии, но публикация в главной составляющей современного культурного процесса – известном литературном журнале – очень важна.

Что ещё важно – в конкурсе участвуют не только начинающие авторы. Участвовать в нём считают для себя престижным и авторы с именами, уже имеющие серьёзные публикации, и порой даже признанные литературные мэтры. Эта встреча поколений в Волошинском конкурсе сама по себе знаменательна и для нас очень важна. Вообще, на конкурс приходят интереснейшие вещи. Воспоминания потомка садовника Волошина. Мемуары мужа поэтессы, чей прах захоронен в горе Кучук-Енишар, немного ниже могилы Волошина. Это исторические документы, а не только литературные. Были и забавные случаи: одна дама пыталась себя выдать за наследницу Волошина, хотя детей у него, как известно, не было.

Саввиных. Четвёртый год существует Международная Волошинская премия. В чём её отличие от других премий?

Коровин. У неё несколько отличий, назову два главных. Первое – две постоянных номинации. Номинация «За вклад в культуру» отмечает деятельность людей не только в области литературы, а вообще в гуманитарной сфере, в том числе имеющих отношение к личности и творчеству Максимилиана Волошина. Скажем, в России деятельных людей очень много. В каждом городе и городишке можно найти энтузиастов и подвижников, на которых держится культура в данном конкретном месте. Можно сказать, только ими она и жива. Вообще, стоило бы учредить премию «Подвижник» для таких вот людей из маленьких российских городков. Но одно дело поддерживать родную культуру в своём доме, своём городе, и другое – поддерживать культуру другого народа в своей стране или в международном культурном поле. Яркий пример – лауреаты премии в этой номинации последних двух лет – испанка с мексиканскими корнями Сельма Ансира и француженка Мари-Од Альбер. Сельма переводит русскую классику – от Пушкина до Волошина – на испанский, а Мари-Од организывает в Париже выставки, посвящённые русской культуре. Вот он – неоценимый вклад в русскую культуру! Вклад, который свои же соотечественники вряд ли по достоинству оценят. Или ещё два наших лауреата – организаторы ярких, знаковых современных фестивалей: Александр Кабанов – организатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры» – и Алла Басаргина – организатор фестиваля искусств «Куриный Бог» в Коктебеле. А самым первым нашим лауреатом посмертно стал один из создателей музея М. А. Волошина в Коктебеле, исследователь-литературовед Владимир Петрович Купченко. Эту номинацию поддерживает морально и материально банк ВТБ, за что ему огромное спасибо.

Второе отличие – особенность второй номинации нашей премии «Лучшая поэтическая книга такого-то года». Тут обращает на себя внимание возраст наших лауреатов. Ими были на сегодняшний день: Андрей Поляков, Александр Переверзин и Мария Ватутина. Это среднее литературное поколение – то, которому обычно не достаётся никаких наград, они как бы в безвременье: возраст «Дебюта» и Форума в Липках пройден, а возраст «выслуги лет» и премии «Поэт» ещё не наступил. Это критический возраст для любого человека, для творческого – тем более. Поэтому особенно важно поддержать уже состоявшегося, но часто – сомневающегося поэта, напомнить о нём литературным критикам и издателям. Мы рады, что Большое Жюри Волошинской премии присуждает победу, безусловно, значительным поэтам, и мы также благодарны тем, кто этих поэтов выдвигает на премию. Эту номинацию последние два года материально поддерживает журнал культурного сопротивления «ШО». Ещё один важный аспект премии: помимо Большого Жюри, в которое входят признанные мэтры и литературные критики, у нас есть ещё Студенческое Жюри. Это наш совместный проект с Центром новейшей русской литературы РГГУ. Это жюри присуждает свою Специальную студенческую премию. Нам кажется, что это очень важно – знать и фиксировать взгляд молодых филологов и читателей на современный литературный процесс. Эту идею поддержал ОТП Банк, придав ей денежное выражение.

Саввиных. Расскажите немного о научной составляющей Волошинского фестиваля. Ведь это не просто фест, но ещё и научный симпозиум.

Коровин. Главным отличием «Волошинского сентября» от других подобных фестивалей является то, что двигателем симпозиума является Дом-музей М. А. Волошина, в деятельности которого «Волошинский сентябрь» занимает очень важное место, и то, что симпозиум является комплексом нескольких культурологических проектов, в каждом из которых имеется научная составляющая. Миссия Дома-музея состоит, в том числе, и в «сохранении уникальной аутентичной коллекции, духовных и культурных ценностей Дома Максимилиана Волошина и интеграции их в современное общество». А разве не эту же цель преследует и наш фестиваль? Те же мастер-классы – это научно-просветительные мероприятия, говоря казённым языком.

По результатам симпозиума в литературных и научных журналах публикуются статьи и исследования сотрудников музея и участников фестиваля. По результатам художественного пленэра создаются новые экспозиции, а это уже научно-экспозиционная работа. Широко презентуется издательская программа музея, включающая научные сборники. Наши круглые столы – это материал для исследования культурологов и социологов. Так что хотя основная часть симпозиума – творческая, но и научная деятельность является частью нашей общей работы.

Саввиных. В чём особенность (уникальность) нынешнего, девятого, фестиваля?

Коровин. Во-первых, благодаря поддержке симпозиума фондом МФГС мы смогли пригласить литераторов и художников из России, Украины, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Молдовы. Были желанные гости из Польши, в том числе – художники, поддержанные Польским институтом в Киеве, а также – из Германии, Грузии, Финляндии, Франции и других стран. Расширение географических границ, новые интересные люди, знакомства, которые перерастают в творческие связи, – всё это очень важно для дальнейшего развития симпозиума.

Во-вторых, в этом году мы положили начало сотрудничеству с театрально-драматургической программой «Премьера-PRO». Драматургический конкурс «Премьера» существует уже десять лет, это конкурс с международным именем, уважаемый и интересный. И я очень рад, что арт-директор «Премьеры» Светлана Кочерина оказалась контактным, креативным и, главное, «крымским» человеком, и мы провели в этом году конкурс мини-пьес в рамках Волошинского конкурса. На конкурс прислали сто двадцать работ, среди них были очень интересные. По этим пьесам с драматургами в Коктебеле были проведены мастер-классы, а некоторые были показаны режиссёром Валерией Приходченко и самими драматургами в нашей программе. Читку пьес из шорт-листа мы будем делать и в Москве. И я уверен, что театрально-драматургический проект в рамках симпозиума будет развиваться.

Третье новшество – конкурс видеопоззии и показ лучших поэтических фильмов в Коктебеле. Видеопоззия – новый жанр, у него ещё толком не сформировались какие-то границы и законы, поэтому наблюдать его становление тем более интересно. В этом нам помогали литературный проект «Русский Гулливер» и портал видеопоззии «Гвидеон».

Четвёртое – поэт Сергей Жадан предложил провести футбольный матч. Это предложение вызвало огромный энтузиазм у участников симпозиума. В футбольную команду записались даже четыре девушки. И матч был поистине захватывающим, с опасными моментами, неопасными травмами, а закончился вничью, что особенно приятно, если учесть, что поэты играли с профессионалами.

Были ещё поэтическое шествие и «Русалии» московского режиссёра Елены Пенкиной.

Впервые закрытие литературного фестиваля происходило в самом центре Коктебеля – на площади искусств перед Домом Максимилиана Волошина. Это была яркая акция-перформанс «Древо желаний», в создании которой принимали участие фестивальщики, гости и жители посёлка, дети из художественной школы. Во исполнение написанных на бумажных листьях древа пожеланий в ночное небо Киммерии взмывали огоньки на воздушных шарах.

Много было интересного за семь дней симпозиума, а это – более шестидесяти мероприятий. И это была настоящая напряжённая творческая работа с ненормированным рабочим днём. Программа начиналась в десять утра и заканчивалась за полночь. А уж разговоры и дискуссии порой длились до самого утра. Не знаю, успевали ли наши участники при этом ещё и окупаться в море. Организаторы точно не успевали. Но несмотря на это, многие уже выразили желание принять участие в следующем, юбилейном, десятом симпозиуме, посвящённом 135-летию Максимилиана Волошина. А это значит, что мы работаем не напрасно.

К сказанному Андреем мне бы хотелось добавить несколько своих соображений. Взгляд – как бы уже изнутри, но ещё и со стороны. Вне всякого сомнения, Волошинский фестиваль – один из самых представительных профессиональных съездов. «Вселенский собор» русской (и русскоязычной – приходится признать, что сегодня это разное) литературной элиты в самом позитивном значении этого слова. Профессионализм отличает Волошинский форум от ставших уже привычными многочисленных графоманских тусовок. И дело здесь даже не в присутствии «звёздных» персон... Уровень организации, общения, дискуссий, качество представленного творческого вещества – всё это если не на пределе возможного, то, по крайней мере, устремлённость к пределу ощущалась в каждой мелочи. И хотя избежать шероховатостей в таком многоплановом событии невозможно, в целом они не портили впечатления, за что снова и снова – великая признательность всем, кто к деянию сему руку приложил.

Многое из того, что здесь происходило, стало для меня подтверждением нарастающей поляризации литературного пространства. Молодая поэтесса, предложившая стихи в «День и ночь», на мой призыв подумать о читателе и быть, по возможности, проще – откликнулась так: «А я думала, сегодня нельзя без „подвывертов“». Завихрения всевозможных «подвывертов для подвывертов», почти совершенно поглотившие нашу словесность (по крайней мере, ту, что на виду), образуют в ней чудовищный мёртвый омут, затягивающий всё, что не способно сопротивляться. Унылые вереницы почти не отличимых друг от друга версификаций, воспроизводимых с импровизированных подмостков, – отличительная черта, увы, не одной фестивальной площадки.

Скука, вялые аплодисменты зевающей публики, потеря, в конце концов, этой публики... Всё это бурно обсуждалось потом «в кулуарах» – в кафешках, на пляже, на прогулках и «дружеских попойках» (как без них!). При этом очевидна была открытая манифестация чего-то иного, противоположного «мертвечине». Живая жизнь, подъём, жадный интерес к миру, меняющемуся на глазах, страсть познания и стремление к художественной правде – всё это образовывало на фестивале некие «точки кипения», которые постепенно притягивали к себе всё больше и больше участников.

Замечу, тяготение к тому или другому полюсу никак не связано со стилем или традицией, которой следует автор. Просто есть Поэзия и имитация оной на потребу конъюнктуры. Последняя, конечно, гораздо более социально адаптирована, избалована поощрениями и финансовыми вливаниями. Зато первая мощно выбивается из-под завалов и скоро-скоро (о, надежда, которая умирает последней!) будет бить ключом!

Одну из таких «точек кипения» я наблюдала вблизи. Это был мастер-класс двух поэтов: доктора культурологии, кандидата филологических наук, президента Академии Зауми Сергея Бирюкова и президента Союза писателей XXI века, главного редактора журналов «Дети Ра» и «Футурум АРТ» (и прочая, и прочая) Евгения Степанова. О Степанове не стану долго говорить. О нём много сказано. Не хочу повторяться. Думаю, что в памяти благодарных потомков его имя сохранится так же, как мы храним имена Павла Третьякова, Саввы Морозова и Сергея Дягилева. Только Степанову труднее, так что и память о нём, наверное, будет светлее и драматичнее.

Бирюкова прежде я вблизи не видывала. По коротком же знакомстве он произвёл на меня ошеломляющее впечатление. Представьте себе профессора европейского университета, такового raffiné: речь, манеры, мимика, жестикуляция – вся тончайшая механика общения, которая изобличает в наших глазах человека определённого воспитания и круга. И вдруг он выходит к микрофону, и начинается – шаманское камлание? Индейская ритуальная пляска? Кажется, горло поэта-декламатора способно воспроизвести любой звук – от гортанного крика горлицы до скрежета металла о металл. А потом откуда-то являются картонная дудка – пугающе громкая – и летающий диск, на глазах у зрителей запускаемый в небеса. Так президент

Академии Зауми чествовал Владимира Алейникова, нового академика, лауреата Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

Сергей Бирюков – звучащий инструмент поэзии. Он один из немногих, кто знает о переднем крае поэтических поисков – всё. Или почти всё.

Евгений Степанов и Сергей Бирюков. Коктебель. У могилы Волошина.

Мастер-класс, который он вёл вместе со Степановым, был посвящён литературному авангарду. Но под конец в маленький холл пансионата «Камелия-Кафа», где разместился класс, слетелось всё, что почуяло энергию совершающегося здесь волшебства.

Живое русское слово вызвало из тектонических культурных пластов новое поколение литературоведов и критиков. На мастер-классе Бирюкова и Степанова тон обсуждениям задавали молодые филологи, бескомпромиссные, жёсткие, отважные, не оглядывающиеся на регалии и лица – и при этом высоко эрудированные и компетентные. Мне особенно запомнились Евгения Коробкова («Какой живой, говоря пушкински, раздробительный (в положительном смысле) ум!» – отозвался о ней Бирюков) из Челябинска и Мария Суворова из Вологды. Уверена, мы ещё не раз встретим на страницах литературных журналов эти имена.

А потом мэтр был настолько любезен, что согласился дать мне эксклюзивное интервью. Вот оно – слово в слово.

Интервью президента Академии Зауми Сергея Бирюкова журналу «День и ночь»

Саввиных. Сергей Евгеньевич, что сегодня в искусстве можно назвать «авангардом»? Кажется, всё уже испробовано. Какие возможности для эксперимента остаются в современной литературе, особенно – в поэзии?

Бирюков. Поэзия – если брать древнегреческое определение *poesis* – это «творение». Творение – всегда эксперимент. Бог творил землю – экспериментировал. И мы плоды этого эксперимента пожинаем до сих пор. Поэт – по определению экспериментатор. Он экспериментирует на себе. Как в медицине врачи иногда ставят эксперименты на себе. Вроде Пастера... часто с летальным исходом (смеётся). Я не призываю, конечно, к летальному исходу, но так, увы, бывает. Поэзия действительно глобальный эксперимент. И авангард существовал всегда, какие-то крайние, радикальные формы искусства, авторы, которые выходили на первый план... Но в конце девятнадцатого века, в начале двадцатого появились авторы, специально и активно занимающиеся экспериментом. Это то, что мы называем «историческим авангардом». Во второй же половине двадцатого века стало очевидным явление, которое я называю «внеисторическим авангардом».

Исторические авангардисты не считали себя «авангардом». Это не было их самоназванием, так их назвали позже, когда стали говорить об «авангардной эпохе». А «внеисторические авангардисты» осознали себя именно авангардом.

Так что, по сути дела, авангард сейчас только начинается. В чём смысл этих различий – надо специально разбираться. Я написал на эту тему несколько книжек, ряд статей. И не только я. В две тысячи восьмом году в Бельгии, в городе Генте, проходил грандиозный Международный симпозиум, посвящённый европейскому модернизму и авангарду. До сих пор учёные спорят, что относить к модернизму, что – к авангарду.

В течение недели собравшиеся со всего мира крупнейшие исследователи этих движений пытались выработать какие-то близкие определения, методы анализа того, что происходило в искусстве в течение всего двадцатого века. Что же можно ещё открывать?

Саввиных. Да, ведь поэты уже и видеоряд какой-то вносят в стихи, и наши привычные столбики-строфы в виде картинки располагают на странице, и сами эти «столбцы» разрушили, вытянув стихи в прозаические периоды... куда же ещё?

Бирюков. В своих книгах «Зевгма» и «Року укор» я как раз рассматриваю «поэзию для глаза» и «поэзию для слуха». Здесь много возможностей для эксперимента. Визуальная поэзия. Перевод вербального поэтического текста, поэтической фантазии – в графику. Этим занимались уже давно. Был такой Алексей Николаевич Чичерин, который вообще считал, что слово – рак поэзии, что слово вообще не должно использоваться. Возникает конфликт между словом и изображением. Конфликт – поиск гармонии. Вместе с тем существует и поэзия для голоса и слуха. Лично я считаю, что поэзия должна звучать, и есть целое направление в русском авангарде и в исследованиях русской поэтики... Квятковский, Сабанеев, Малишевский занимались музыкально-поэтическими теориями. Поэзия должна произноситься... как она должна звучать? Какие оттенки передавать? Это не актёрское чтение... поэт воссоздаёт перед публикой своё произведение. И этот процесс «воссоздания» есть «до-создание» самого текста. У авангардиста – огромное поле действий. Я вижу, что даже авангардные люди, которые пишут очень необычные вещи, необычно их строят, не всегда могут внятно их артикулировать и адекватно посылать публике. Этот посыл публике, это взаимодействие с публикой – даже если публика

не понимает и смеётся – это тоже взаимодействие, коммуникация... поиски коммуникации разнообразны. Мы с вами на фестивале слушали разные выступления. Довольно часто это было что-то очень невнятное. «Хорошо, я вам что-то прочту... я вообще-то пишу гениальные стихи. Ну, я сейчас вам как-нибудь их прочту». Вот с этим «как-нибудь» авангард сражается. К сожалению, даже в авангарде мало людей, которые этим занимаются. Последнее время многие экспериментируют с «видео» – здесь тоже возможен и нужен поиск.

Саввиных. Академия Зауми – что это такое? Как возникла идея? Как функционирует Академия? Чего она добилась за годы своего существования?

Бирюков. Предыстория такова. В восемьдесят первом году в городе Тамбове я сделал литературную студию при областном Доме учителя, которая называлась «Слово». В этой студии я занимался с литераторами, среди которых были и люди молодые, и в возрасте, уже сложившиеся. Именно тогда я стал знакомить студийцев и сам очень плотно заниматься авангардными текстами. Я разработал особую программу для студии «Слово» и включил туда поэтов и писателей, которые имели отношение к авангарду. Хотя люди писали совершенно разные тексты – стихи, прозу, и там были обычные для литературных групп занятия, с заданиями написать рондо, сонет и т. д. Но в то же время мы работали над стихами каждого из авторов в некотором авангардном ключе. Постигали некие поэтические начала – через авангардные тексты. Я читал им Хлебникова, Маяковского, Кручёных... Помимо того, что мы обсуждали собственно творчество этих авторов и вели разговоры на философские, театральные темы... у нас была дружба с киноclubом, с архитекторами. Короче говоря, я создал в городе ячейку культурной коммуникации с обращением ко всем искусствам. И этого вроде бы даже было достаточно. Но мы решили устраивать представления, чтобы ещё и публике показать творчество раннего авангарда. Мы сделали серию музыкально-поэтических представлений в областной библиотеке из истории русского авангарда, потом из истории русского и мирового авангарда... четыре или пять вечеров... и к девяностому году у меня созрела мысль, что пора создать Академию Зауми.

Авангард был всё-таки искусственно прерван, эта традиция была прервана, а она уже академизировалась... если взять ГИНХУК Малевича – они уже академизировали, пытались учить этому... его попытки «Супремус» ввести... и русская формальная школа, которая занималась исследованием тончайших элементов литературы: Шкловский, Якобсон, Тынянов.

Я решил, что сначала надо сделать Российскую Академию, потом понял, что этого мало. Нужна Международная Академия. К этому времени я уже был связан многолетними отношениями с разными авторами, которые были близки к авангарду. Это был уже «третий авангард».

Я подружился с Геннадием Айги, переписывался с авангардными деятелями из города Ейска на Азовском море – Ры Никоновой и Сергеем Сигеем, сейчас они живут в Киле, в Германии. С рядом питерских авторов – Владимир Эрль, Александр Горнон, Борис Констриктор. В Москве – Генрих Сапгир, Игорь Холин. С Вознесенским у меня были встречи. Так что я решил совершить этот шаг. Студию «Слово» я переименовал в «АЗ». Это сокращение Академии Зауми, с одной стороны. С другой стороны, первая буква алфавита. Мы придумали Международную отметину имени отца русского футуризма

Давида Бурлюка, чтобы отмечать достижения отечественного авангарда и международные исследования. У меня были контакты с филологами, я дружил с известным хлебниковедом, который недавно умер, к сожалению, Виктором Петровичем Григорьевым... это блестящий совершенно филолог и хлебниковед... А до этого был ещё восемьдесят пятый год, столетие Хлебникова. Первые Хлебниковские чтения состоялись в Астрахани, в которых я участвовал.

Я тогда написал такую композицию, которая называлась «Белый ворон», пронизанную хлебниковскими аллюзиями... так и создалась та новая структура, Академия Зауми, абсолютно независимая, не имевшая никогда никаких денег, дотаций. Всё, что я делал, я делал за собственные средства, которые зарабатывал преподаванием, чтением лекций и т. д.

Саввиных. И кто же они, сегодняшние академики?

Бирюков. Я уже назвал некоторые имена: Геннадий Айги, Ры Никонова... Андрей Вознесенский тоже входил в АЗ. Петербургские авторы – кроме тех, кого я назвал, Борис Шифрин, Арсен Мирзаев, который сейчас здесь присутствует... Исследователи – Григорьев, Наталья Фатеева, доктор наук из Института русского языка, которая занимается авангардом, Татьяна Никольская из Петербурга, Виктор Соснора... Вот сейчас академиком стал Владимир Алейников... несколько зарубежных исследователей и переводчиков русского авангарда на разные языки. Здесь сейчас Лео Бутнару из Молдавии. Он перевёл массу произведений русского авангарда на румынский язык. Он тоже у нас лауреат и академик. И – Евгений Степанов, который очень много делает, пропагандируя авангард своими журналами и различными акциями.

Саввиных. Можно сказать, что определённым образом структурируется целый мир... Из хаоса возникает космос.

Бирюков. Действительно, происходит структуризация и оформление, но... когда у меня спрашивают, где эта Академия размещается, какие у неё реквизиты, я мог бы ответить, что она в моей квартире размещается, что я сдаю под Академию офис... Но я обычно отвечаю, что это Академия в платоновском смысле. Она – «в садах». В данном случае, в пространстве Коктебеля. Вместе со мной. Поначалу, конечно, не всё получалось так, как хотелось. Тамбов в смысле искусства город не шибко продвинутый. Там это, конечно, воспринималось... опять Бирюков чего-то там чудит... вот он авангардист и делает какие-то чудеса очередные... А потом, в девяносто первом году, я стал преподавать в Тамбовском университете. Меня давно туда приглашали, но по разным причинам я отказывался. А там работал мой бывший преподаватель по современному русскому языку, языкознанию, Владимир Георгиевич Руделёв, лингвист-структуралист... он меня всё время приглашал на свою кафедру русского языка. И в девяносто первом году я наконец согласился и восемь лет преподавал лингвистику. Современный русский язык, культуру речи, общее языкознание, фонетику... Сначала это было очень сложно. После университета я долгое время не преподавал предметы лингвистики, а занимался литературой. Мне пришлось за лето восстановить все эти циклы... причём меня пригласили, но простым преподавателем, ассистентом, у меня тогда ещё не было диссертации. Год я поработал тяжелейшим образом, но совершенно неожиданно это мне очень много дало. Я переформатировал свои поэтические поиски, поскольку стал заниматься фонетикой, снова обратился к Трубецкому, к общей фонологии... Пражская школа, датская, американская трансформационная лингвистика... пришлось войти во всё это очень основательно. И это действительно сыграло большую роль, в том числе и в моих занятиях со студией. Уже через пару лет преподавания я организовал в университете конференцию, посвящённую поэтике русского авангарда. Руделёв меня очень поддержал, а деканом была моя бывшая сокурсница... в городе меня, конечно, хорошо знали, ректор проявил понимание – и мы провели Международную конференцию, выпустили сборник. Трудно было в то время, девяносто третий год, очень трудно, не было средств, ничего... у нас был университетский журнальчик, и я просто придумал: вместо того, чтобы искать деньги на сборник, сдвоенный или строенный номер журнала посвятить материалам этой конференции. И тогда впервые на программках и везде было напечатано: Министерство образования России, Тамбовский государственный университет, кафедра

русского языка, Академия Зауми. Необходимый элемент здоровой футуристической весёлости (смеётся). И потом мы провели восемь или девять конференций под общим названием «Слово». Когда сборники выходили, они всегда выходили с этим грифом. Так мне удалось утвердить Академию, и должен сказать, что сейчас в Москве мы впервые провели конференцию, посвящённую 125-летию Кручёных в музее Маяковского, и там в грифе тоже: Министерство культуры, Институт мировой литературы, Музей Маяковского и Академия Зауми. Дальше мы выпустили альманах Академии Зауми – пока один номер: помогли коллеги-академики. Несколько публикаций в девяностые годы я сделал в журналах. В журнале «Волга» вышла большая публикация, посвящённая Академии Зауми. Была статья в «Знамени», где я рассказывал об этом. И сейчас на научных конференциях мои бывшие ученики выступают с докладами об Академии Зауми, и это уже какая-то историческая перспектива.

Двадцать лет уже исполнилось в прошлом году, и это уже вошло в историю. Хотя... я всё это делал – не совсем всерьёз. Академия Зауми – это же оксюморон. Горячий снег.

Много можно рассказывать. Были разные творческие прорывы... скажем, в две тысячи втором году я был в Амстердаме на конференции, посвящённой Хлебникову... там выходит известный славистский журнал «Русская литература»... вышел как раз сводный каталог... я посмотрел этот журнал и увидел, что там очень мало посвящено авангарду. Современный авангард почти не представлен. И я в отклике на конференцию, в газете «Русская мысль» в Париже, что-то такое об этом сказал. Главный редактор этого журнала, мой друг, после этой заметки мне предложил: «А не мог бы ты сделать номер, посвящённый современному русскому авангарду?» В результате вышел сдвоенный или даже строенный номер этого журнала, который я делал как приглашённый редактор.

На международном уровне мы достаточно хорошо представлены. Нас знают. Это, конечно, не та структура, которая кем-то финансируется, есть, безусловно, определённые сложности, но я сейчас уже думаю, что, если бы была какая-то организация с управлением, инфраструктурой – это сделало бы её тяжеловесной. А так она очень мобильна...

Саввиных. Знаете, очень многие вещи, которые имеют серьёзный резонанс и определённую представительность, часто лишены финансовой составляющей. И это скорее хорошо, чем плохо. Это создаёт тот самый нравственный люфт, отдушину. Не всё измеряется в баксах.

Бирюков. Совершенно верно. Хочу ещё добавить, из студии «АЗ» вышли весьма заметные в литературе люди. Например, Алёша Шепелёв. Поэт, прозаик, один из призёров «Дебюта». О нём пишут. Он уже очень известен. Несколько человек защитили кандидатские диссертации и сейчас уже защищают докторские. Писательница и поэтесса Елена Борода (Владимирова) недавно защитила докторскую диссертацию по произведениям Стругацких. У неё двое детей, она ещё молода, много пишет для детей и подростков... это, правда, уже не авангард, но сквозь нашу призму её творчество прошло... Ещё есть Елена Часовских, Александр Федулов, Владимир Мальков... только из Тамбова целая плеяда. Из Новосибирска – Игорь Лошилов. Сам меня нашёл и стал академиком. Виктор Иванів. Потрясающий поэт. В Красноярске у меня был тоже человек – Александр Суриков.

По-моему, сам он из Иркутска, но он учился в Красноярске, в художественном институте.

Он делал визуальные книги с прорезанными буквами. У нас есть Сибирское отделение Академии Зауми с центром в Новосибирске. Лошилов его возглавляет. Сокращённо – СОАЗ. Есть Дальневосточное отделение Академии Зауми, которое называется ДВАЗ. В Хабаровске живёт Арт Иванов, которые пишет интересные вещи. Оттуда же две девушки, правда, они уже переехали сначала в Читу, а потом в Москву, у которых была группа «БАБЫ ОБЕ». Они книгу выпустили под названием «ИЗ БАБ». Лена Круглова и Аня Золотарёва. Аня Золотарёва переводила стихи Шота Иоташвили, который нынче здесь, в Коктебеле. В Японии отделение назы-

вается ЯАЗ. В Германии, в университете, где я работаю, уже десять лет я веду студенческий экспериментальный авангардный театр, который называется «ДАДАЗ». Только что в Алма-Ате открылось Казахское отделение – КОАЗ. Так мы осваиваем мир и, в общем, тяготеем к ВСЕАЗ. С появлением Интернета открылись новые возможности. Уже несколько лет мы вместе с Евгением Харитоновым делаем интернет-журнал радикального авангарда и комбинаторной поэзии «Другое полушарие» (drugopolushar.narod.ru). Это уникальное издание – с аудиоприложениями. Кроме того, Евгений проводит в Москве под эгидой журнала и Академии Зауми фестивали «Лапа Азора».

Саввиных. Несколько слов о премиальном процессе. Что вы об этом думаете? Сложный вопрос, довольно болезненный для многих...

Бирюков. Есть несколько моментов. Первый. Премии, как принято считать, и, наверное, так оно и есть, стимулируют премируемых. Человек получает премию, говорит себе: ага! я нужен! Даже если премия безденежная – это весьма и весьма стимулирует. Я знаю, что многие из тех, кто были награждены Отметиной, в своих резюме указывают этот факт. Недаром премиальный процесс идёт во всём мире. «Букер», «Нобель»... какая-нибудь премия Принца Астурийского... Премий очень много. Во Франции – огромное количество, больше, чем у нас. С другой стороны, материальная составляющая премий тоже очень важна. Дело в том, что положение литератора, писателя вообще в мире очень хрупкое, а в России – вообще ниже всякого плинтуса. Немыслимое и невозможное. Писательство – это такой же труд, очень важный труд, я считаю. У нас, в общем-то, не так много писателей. Сильных, настоящих, ярких. В такой стране, как Россия, с таким населением, с такими богатыми литературными традициями, должно быть больше писателей. В маленькой Армении в процентном отношении больше писателей, чем у нас. То есть нужны системы поощрения. Премия – это хотя бы какое-то поощрение, какая-то возможность писателю существовать, если премия обозначена в какой-то сумме. Я поддерживаю премиальный процесс.

Другой вопрос, что в нём, как и во всяком другом деле, могут быть какие-то шероховатости. Может быть, не те получают премии иной раз. Может быть, что-то происходит несправедливо. Например, я очень рад, что премия «Поэт», к которой у меня отношение было очень сомнительное, вручена Сосноре. Это поэт, который достоин самых высоких оценок, и хорошо, что эта премия его настигла ещё здесь... при жизни. Геннадий Айги ушёл без такой премии, хотя у него были зарубежные премии, премия Пастернака.

Я думаю, что «премиальщикам», экспертным советам, жюри нужно как-то преодолевать собственные вкусовые пристрастия.

На календаре – 12 сентября. Ну, вот и всё. Прощаюсь с изумительной писательской «колонией», обосновавшейся на несколько дней в доме у Алейникова (дивное коктебельское красное вино, стихийные застолья – в том числе и от слова «стихи» – и разговоры, разговоры... допоздна и за полночь) ... прощаюсь с морем, с желтеющим на моих глазах молодым платаном за соседской изгородью... с вальяжными местными кошками... с горлицами, взлетающими, кажется, прямо из-под ног... Прощаюсь с крымскими аонидами, посылая им воздушный поцелуй с подножки фирменного поезда «Крым». Кажется, я сделала всё, чтобы сюда вернуться.

*Коктебель – Красноярск
сентябрь 2011 г.*

IV

**«О доблестях, о подвигах, о славе...»:
Москва, Петербург, Красноярск**

1

Семнадцатое мая. Москва. Ощущение прыжка из полярной зоны в субтропики. У трапа самолёта в красноярском аэропорту Емельяново хотелось подышать на пальцы: в шесть часов утра термометр за окошком показывал минус два по Цельсию.

Через четыре часа полёта Домодедово встретило плюс двадцатью. Свежая нежная зелень – после всё ещё коричневато-розоватых сибирских берёзок – ощутимо поднимает настроение. Благодарь!

В городе, однако, чувство благодати постепенно притупляется. Москва – такая близкая, доступная и будто бы уже дружески приветливая – тем не менее, смотрит букой: снова вся в строительных лесах, кое-где сдвинуты и перевёрнуты решётки металлических ограждений. Как будто недавние большие страсти ещё витают в воздухе... или что-то подобное ожидается вскоре. Время – к полудню. В метро тесно и тревожно. На улицах непривычно просторно...

Мне в Москве – только переночевать. Выхожу из-под земли на проспекте Мира и направляю стопы к Наташе Слюсаревой. Наташина квартира – обитель Художника. Если, конечно, понимать «художество» широко. Картины, иконы, статуэтки, изящная мелкая пластика, посуда, даже цветы на балконе... Артистическое ателье, да и только! А сама хозяйка – гармоническая живая ось этого дома. Вне возраста. Вне времени. И даже, кажется, вне общего всем остальным существам пространственно-временного континуума. Она сама себе – континуум. Вот именно – Дама.

Совсем недавно у Наташи вышли две книги. Одна – большая, серьёзная. Другая – маленькая, ироническая, сказочная, мистически многозначная. «Прогулки короля Гало». Её сюжет, герои, образы навеяны картинами Виктора Кротова, адепта романтического сюрреализма; Наташа написала о нём маленькое виртуозное эссе «Розовая звезда».

Я читала прежде и с параллельным миром Кротова была знакома. Но эта книжка меня проглотила заживо! Едва зацепив глазами её первые строчки, я выпала из реальности, пока не оказалось, что книжка уже – вся. Точка.

С Наталией Слюсаревой «День и ночь» сотрудничает с 2010 года. Она блестящий эссеист, знаток культуры – русской и европейской, особенно – итальянской (свободно владеет итальянским языком). Но дело даже не в эрудиции, не в знании как таковом. Есть люди, само бытие которых – вроде знамения большого стиля. Наташа – как раз такая. В её присутствии любая вещь становится арт-объектом. В любом жесте всякого человека, оказывающегося рядом, проглядывает перформанс. А как она готовит! Боже мой!

Однако мне пора. В Москве запланировано несколько встреч. И самая впечатляющая, конечно, – в студии телекомпании «Диалог», у Евгения Степанова. Телевидение, можно сказать, новорождённое, но жизнь вокруг него кипит вовсю.

Едва переступив порог, я тут же знакомлюсь с множеством замечательных людей, с которыми вряд ли столкнулась бы когда-нибудь вот так – сразу и одновременно. А ведь в одновременности встреч с особого рода персонами есть тонкий значительный смысл! И я смакую этот смысл, будто бы уже и «часов не наблюдая».

Первым делом – к зеркалу! Через несколько минут мне работать «на камеру». Я никогда себе не нравлюсь в зеркале, а тут ещё – жара, усталость, некоторая нервозность ожидания. В общем, я снова катастрофически себе не нравлюсь, что с этим делать – не очень понимаю,

машинально поправляю волосы и косметику и выхожу к народу довольно кисло. Но тут очаровательная Олеся Брукс, помощница Степанова, сообщает мне заговорщицким тоном, что я похожа на Вивьен Ли... Я улыбаюсь неожиданности «посыла» и забываю напрочь и о том, как я выгляжу, и о камерах, вокруг которых между тем разворачивается какая-то своя техническая суета.

Женя великолепно ведёт передачу. Разговор строит разумно и деликатно, ничуть не «тянет одеяло на себя», чем грешат многие телеведущие, но постепенно извлекает из моей головы всё то, что, с его точки зрения, сказать было необходимо и достаточно. Это, между прочим, специфическое мастерство. Интервью – жанр, дающийся не каждому журналисту. Женя делает это красиво и точно. На экране всё выглядит не менее эффектно, чем выглядело бы на бумаге. Но я всё же не могу удержаться от искушения предать бумаге некоторые фрагменты этого видеоролика.

Степанов. Я, как член редколлегии, в меру своих скромных сил стараюсь помогать журналу «День и ночь», потому что считаю, что это действительно замечательный журнал. На мой взгляд, это лучший литературный журнал России. Такими словами, конечно, не разбрасываются, но я так искренне думаю, потому что это журнал, который объединяет совершенно различных литераторов. Это не кастовый журнал, что редкость в литературном мире. Здесь можно встретить произведения и Сергея Есина,

и Юрия Беликова, и кого угодно – и реалистов, и авангардистов, и пост-футуристов. Здесь печатается Сергей Бирюков, здесь печатается молодой футурист Денис Безносков. И конечно, здесь очень много писателей-сибиряков, красноярских авторов. Я знаю, что журнал выходит при поддержке администрации Красноярского края, и мы здесь, в Москве, о сибирской литературе узнаём, конечно, прежде всего, по этому журналу... Я помню те времена, те переломные моменты, когда Роман Солнцев ушёл из жизни;

помню то плачевное состояние, в котором находилась редакция, потому что не было финансирования, в редколлегии разброд и шатание, и никто не знал, что же будет с журналом; но он выжил, окреп и, не побоюсь этих слов, стал даже, на мой взгляд, интереснее, чем был...

Саввиных. Не стала бы сейчас акцентировать какой-то региональный аспект: сибирская литература, красноярская литература. Мне кажется, это всё-таки уходит. Литература сейчас существует в мировом ракурсе. Писатели, поэты, которые сейчас печатаются практически во всех журналах русскоязычного мира, образуют авторско-читательское сообщество, где связи выстроены иначе, нежели мы привыкли... вот московские писатели... вот питерские... красноярские, иркутские или новосибирские...

Теперь это не столь существенно. Тем более что молодёжь действительно уже ощущает себя «гражданами мира». Если говорить о самых интересных, перспективных молодых писателях, с которыми мы стали сотрудничать совсем недавно, то я могу назвать, например, такую замечательную писательницу, как Анастасия Астафьева. Можно сказать, что генетические корни её – в Сибири, потому что... она не любит об этом говорить, но это так... она дочь Виктора Петровича Астафьева, и в её прозе удивительным образом живёт очень глубокая, узнаваемая астафьевская нота. Нарочно это сделать невозможно и подделать никак нельзя... <...>

Степанов. Вы позиционируете себя как журнал для семейного чтения?

Саввиных. Да. Именно – для чтения. Я и писателей часто предупреждаю об этом. Понимаете, дорогие, – говорю, – мы хотим, чтобы журнал читался, чтобы читателю было интересно.

Хотя... читатель, который в меньшинстве, тоже имеет право на достойное чтение. Поэтому, например, благодаря Максиму Амелину, с которым мы недавно

перебросились письмами, у нас появилась новая рубрика. Максим занимается переводами древних греков и римлян... меня совершенно пленили его переводы Пиндара на русский язык примерно середины семнадцатого века... Это очень сложно, предполагает сумасшедшую, запредельную читательскую работу. Но – безумно интересно. И я подумала: а не ввести ли нам такую рубрику, которая была бы предназначена вот для таких точечных, уникальных контактов редкого текста и редкого читателя? Такая рубрика появилась у нас. Она называется «ДиН-артефакт». <...> Журнал – как зеркало, в котором играют свет и тень. Сама эта игра света и тени как раз и создаёт то «лица необщее выражение», на которое мы очень рассчитываем.

Степанов. Вчера была научная конференция, которую проводил Институт иностранных языков и культуры имени Льва Толстого; я имел честь быть приглашённым на эту конференцию, выступал с докладом о новых формах современной русской поэзии. Была очень внимательная филологическая аудитория, и люди задавали вопросы о литературных журналах: какие существуют журналы, какие тиражи. Я рассказал, какие были тиражи до перестройки у «Нового мира», у «Дружбы народов». Недавно мы вместе выступали на радио с Александром Луарсабовичем Эбаноидзе, главным редактором «Дружбы народов», и я его спросил: сейчас какой тираж у журнала? Оказывается, около двух тысяч экземпляров. А до перестройки было – два миллиона и больше. Когда я ещё печатался в «Дружбе народов», в восьмидесятые годы прошлого века, там были миллионные тиражи. Сейчас, конечно, тиражи журналов значительно снизились. В десятки раз. Но, тем не менее, читательская аудитория есть. Она переместилась в Интернет. Известные порталы «Журнальный зал», «Читальный зал», «Мегалит» какую-то нишу здесь заполнили. Как к этому относиться – действительно непонятно. То ли это хорошо, то ли это плохо... Мы, издатели журналов, с одной стороны, рады, что у нас такая большая читательская аудитория.

Но, с другой стороны, подписка упала, продажи журналов сократились катастрофически.

Выжить издателю толстого журнала сейчас без поддержки государства очень сложно. Но не все журналы, даже те, которые входят в «Журнальный зал», эту поддержку имеют. «Дети Ра», например. От государства этот журнал никогда ни рубля не получал. Он существует благодаря одному инвестору. Не будем сейчас о нём говорить. Но читательская аудитория есть. «ЖЗ» посещают в день, наверное, огромные тысячи, поэтому можно сказать, что, в принципе, читатель никуда не делся. Он существует, причём в таком объёме, как и раньше. Другое дело, что это виртуальный читатель. Мы даже и не знаем, кто это, какая у нас целевая аудитория. Таких исследований, к сожалению, не так много. Вопрос: есть ли какая-то перспектива у толстого литературного журнала? Что с ним будет? Ведь это уникальнейшее культурное явление.

Саввиных. Видимо, толстый журнал ждёт то же самое, что и книгу как таковую. Книга становится предметом роскоши. Прошли те времена, когда ради насыщения рынка печатались книги – фантастика, приключения, всё то, чего мы были лишены, что добывали на чёрном рынке, – Бог знает как... на газетной бумаге, отпечатанные чуть ли не дома на принтере... и люди всё это хватали. Сейчас это совершенно ушло. Книга должна быть такой, чтобы её можно было с удовольствием держать в руках, она должна радовать все наши чувства – даже обоняние... Она должна быть шедевром полиграфического искусства. Точно так же и журнал. Пусть он издаётся тиражом в пятьсот экземпляров. Но пусть каждый экземпляр воспринимается как уникальная вещь. Как само по себе – искусство. Как спектакль. Это же дело не только драматурга. Но и режиссёра, актёров, музыкантов, художников... Когда всё это совпадает, получается настоящий спектакль. Шедевр. Вот так и журнал. Каждый его выпуск. Что же касается просто текста, он может размещаться и только в Интернете. Сейчас все читают с экрана.

На самом деле, возможности – расширились. Я думаю, и рынок текстов тоже переместится в Интернет. Он каким-то образом должен структурироваться. И это уже происходит. <...>

Запись закончилась. Вслед за мной должны были беседовать с Женей Вера Зубарева и Ирина Голубева. Возникшая пауза увлекла всех на кухню – пить кофе и переводить дух. Откуда-то возникают и тут же отправляются под водопроводный кран гроздь винограда и ещё какие-то фрукты. В воздухе дрожат стихи – что-то знакомое, но даже, кажется, ещё и не рождённое, чьё-то грядущее творение, нечувствительно витающее между нами... Но моё внимание уже захвачено Сашей Орловым. Нам есть о чём потолковать.

Александр Владимирович Орлов – историк, специалист по истории религий, педагог, редактор, поэт. У нас множество общих тем, и одна из них – прямо животрепещущая – касается изучения в школе древней русской литературы. Здесь всё – проблема. Что именно из всего массива произведений, созданных на Руси между XI и XVII веками, выбирать для чтения и обсуждения с детьми? Какими сведениями снабдить школьников, чтобы знакомство с великой словесностью Древней Руси не стало для них умственной пыткой? А главное: когда и как вводить в читательскую практику подростков летописи, жития, воинские повести, большие эпические полотна? У меня накоплен огромный материал – несколько лет я разрабатывала и вела в Красноярском литературном лицее курс «Шедевры древней русской литературы», – и теперь, задыхаясь от избытка чувств, рассказываю Саше, как с моими семиклассниками мы читали «Сказание о Борисе и Глебе», как разбирали почти одновременно гениальное стихотворение Бориса Чичибабина «Ночью черниговской с гор Араратских...», как увлечены были дети и взрослые, участвовавшие в этих уроках-диалогах!.. Вижу: Саше интересно. Он говорит о возможности сотрудничества с журналами «Основы православной культуры в школе» и «Переправа», рассказывает об Арсении Замостьянове, тоже историке, писателе, редакторе, эрудите, авторе книг о Державине и Суворове... Спасибо Жене Степанову! Я, кажется, обрела новых друзей и новых авторов для «ДиН».

Марина Саввиных, Олеся Брукс и Александр Орлов в студии Степанова

Саша обещает прислать мне по электронной почте свою книжку – «Московский кочевник» (и действительно вскоре делает это!). Спустя время я читаю её с нарастающим интересом: не ожидала увидеть такие стихи в книжке московского учителя. И мне уже хочется поделиться ими с нашим взыскательным читателем. Вот – две «пьесы», так сказать, навскидку.

Эфа

Уходишь? Прощай, моя пёстрая эфа,
Твой дом – каменистый бархан.
Блудница пустыни, частица рельефа,
Хранишь ты от гнева Иран.
Запомню навеки кубовые дали,
Ущелье, где были с тобой.
Мне горы дорогу к тебе указали,
Пустынь обжигающий зной
Меня провожал, обещал я вернуться,
В том клялся злой ветер теббад,
Не мог я без слёз, уходя, оглянуться:
Змея призывала назад.

Нескучный сад

Упиться изгойством так хочется мне,
Уйти ото всех, восседать на скамье,
Там, в дебрях ветвистого парка,
Где бродит печально овчарка,
Где солнца наряд – золотая парча,
Где ветер шумит языком толмача,
Где сладостным запахом душил имбирь,
Где сердце псалмами поёт мне псалтырь,
Где тёмная ночь – прозорливый чернец,
Где тайны скрывает Нескучный дворец.

Ещё бы говорить, слушать и говорить, но у меня через полтора часа поезд, и сломя голову
я снова мчусь в метро... Раз-два-три, ёлочка, гори! Утром у меня по плану – Питер!

2

Ах, Питер, Питер... Санкт-Петербург. Прохладная грёза моих юношеских бдений над томиками Блока, Ахматовой, Мандельштама... Можно сказать, друг сердца, прежде вымечтанный в глубине одиночества, а потом – неожиданно и случайно повстречавшийся на одном из перекрёстков судьбы.

Всегда возвращаюсь в Питер с предвкушением долгожданного свидания, и, Господи, как же он до сих пор ласков ко мне! Здесь живут мои любимейшие люди, знающие город как собственную ладонь, но я уже ловлю себя на том, что с Питером хочу быть один на один. Интимно. С точки зрения любого нормального человека, я, наверное, веду себя дико и неадекватно. Обниму крепко-крепко какую-нибудь замшелую липу и долго стою так, закрыв глаза и прижавшись щекой к тёплой шершавой коре... впрочем, в Питере полным-полно собственных чудиков. На меня никто не обращает внимания. А я грею ладони на чугунной решётке канала Грибоедова: какая нежность! какое счастье! Жаль, наслаждения этого нельзя продлить... Ждут меня иные встречи.

На этот раз я в Санкт-Петербурге на Международном открытом литературном фестивале «Петербургские мосты». Мне рассказала о нём питерская поэтесса Елена Елагина, наш давний автор, близкий по духу человек. Списавшись с организаторами и обсудив возможность нашего участия в программе, я решила и приехала: людей посмотреть и «ДиН» показать.

У фестиваля уже довольно длительная история. Он был задуман как продолжение поэтического марафона 2003 года, проходившего во время празднования 300-летия Петербурга. Как сообщает буклет, изданный к открытию «ПМ» в 2012 году, инициаторами первого фестиваля (2004) стали «Ассоциация творческих объеди-

нений Северо-Запада», ЛитО «Пиитер» и литературный клуб «XL». Бессменные организаторы «мостов» – Галина Илюхина, Виктор Ганч, Дмитрий Легеза, Евгений Антипов, Ольга Хохлова и Вадим Макаров. С тех пор прошло уже восемь поэтических форумов продолжительностью от одной до трёх недель – во время «белых ночей», в конце мая – начале июня. Сотни поэтических вечеров, более полутысячи участников, почти полторы тысячи индивидуальных выступлений, гости из 29 городов России, а также из Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси, Казахстана, Грузии, Таджикистана, Великобритании, Германии, Израиля, Бельгии, Швейцарии, Канады и США.

В рамках фестиваля – поэтические конкурсы им. Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай», детский – «Первый автограф», турнир им. Д. Хармса «Четвероногая ворона» и состязания поэтов в формате «ринг» и «биатлон». Кроме этого, ежегодно – презентации ЛитО и различных поэтических школ, диспуты, мастер-классы, «капустники» и всевозможные другие варианты общения – на любой вкус. Здесь бывали и выступали Евгений Бунимович и Мария Ватутина, Дмитрий Воденников и Александр Кабанов, Светлана Кекова и Бахыт Кенжеев, Илья Фoniaков и Елена Шварц, Александр Кушнер и Михаил Яснов... С прошлого года на «Петербургских мостах» выступают не только поэты, пишущие на русском языке. Звучат стихи на литовском, финском, французском, грузинском, немецком... Налажены связи с другими литературными фестивалями: «Киевские лавры», «Волошинский сентябрь» (Коктебель), «Труа ривьер» (Квебек). В общем, на литературном календаре русскоязычного мира «Петербургские мосты» – заметное событие.

К сожалению, уже с самого начала я знала, что побывать на всех мероприятиях фестиваля мне не удастся: 25 мая в Красноярске должна стартовать литературная конференция, к которой я причастна самым непосредственным образом, – поэтому показать «День и ночь» гостям «Петербургским мостов» смогу только 20-го, в Доме Набокова, на встрече поэтов русского зарубежья, среди которых – множество наших авторов. С кем-то из них я надеялась здесь и познакомиться лично, кого-то открыть для читателей «ДиН», о ком-то рассказать.

В назначенное время у Дома Набокова – группками по два-три человека – клубятся поэты. Никого не знаю в лицо и несколько минут пребываю в растерянности. Но тут является улыбающийся Евгений Лукин, главный редактор журнала «Северная Аврора», раздаёт свеженький, ещё горячий, номер и моментально вовлекает меня в общее движение. Обнимаю Лену Елагину, когда-то пленившую меня строчками:

Когда я останусь навеки одна,
Когда ни крыши не будет, ни дна,
А только парение духа
Вне зренья, сознания и слуха,
Неужто всё это и будет покой?
Неужто об этом мы молим с тоской
И льём беспричинные слёзы
В предчувствии метаморфозы? —

и вступаю в обиталище набоковских пенатов. Их здесь бережно опекают: в доме, несмотря на давно устоявшийся музейный уклад, веет жизнью, тихой, строгой, без «актуальных» глупостей и претензий, но всё-таки жизнью, в которой всё время что-то происходит.

Перед началом мероприятия – несколько приятных знакомств. Саша Либуркин. Колоритнейшая личность. Знаю его по рассказу «Крепкий мужчина», напечатанному в «ДиН» в начале прошлого года, по публикациям в предпочитаемых мною журналах «Дети Ра» и «Зинзивер», а также по редким (но метким!) столкновениям в соцсетях. На мой взгляд, очень яркий прозаик, ироничный, честный, обязательный. Какой-то по-человечески настоящий. Что ныне редкость.

Галина Илюхина, организатор всего этого чудного «безобразия», прилетела, как говорится, «вся в мыле». Позже я поняла, что созвониться с ней в дни фестиваля практически невозможно. Её телефон занят непрерывно. Кажется, двадцать четыре часа в сутки кто-то её «достает». Или она – кого-то. Галина извлекает из пакетов и сумок дипломы, подарки, сувениры. Всё это водружается на монументальный набоковский стол, где уже лежат стопками журналы, альманахи, сборники, привезённые гостями, – и встреча начинается.

Мне предоставлена возможность рассказать о журнале «День и ночь» и прочесть собственные стихи. Как всегда в таких случаях, на «себя» времени почти не остаётся – и слава Богу! «Себя» читать вслух я... не то чтобы не люблю, но мне нужна особая атмосфера, так сказать, короткая дистанция между мной и публикой, а для этого необходимо уникальное совпадение множества условий... Поэтому уже под самый занавес своего выступления читаю стихотворение о Петербурге, получаю довольно искренние, как мне кажется, аплодисменты, возвращаюсь на своё место и начинаю, наконец, внимательно слушать.

В Доме Набокова

Впечатление, в общем, типичное для большинства литературных фестивалей. Большая часть произведений (текстов?), читаемых перед публикой, внимания почти не задевают. И когда на этом фоне вдруг звучит подлинная поэзия, испытываешь нечто подобное вспышке света в темноте или электрическому разряду.

Елена Игнатова, урождённая петербурженка, с 1990 года живёт в Иерусалиме. Еврейская нота, горькая, трагическая, болезненная, в её стихах очень заметна. Тонкие переплетения библейских мотивов и исторических ретроспектив только что ушедшего века создают атмосферу доверительного разговора друзей-интеллигентов – о судьбах мира и человека. Поэтесса читает как бы внутрь себя, голосом слабым, чуть надтреснутым, но стихи таковы, что зал слушает в напряжённом молчании – каждое слово отчётливо и ясно.

И где она, земля лидийских гордецов,
золотоносных рек и золотых полотен,
где мир в зародыше, где он ещё так плотен,
где в небе ходит кровь сожжённых городов,
где человек жесток, и наг, и беззаботен...

Сева Гуревич подарил книжку «Несаргассово море», красиво изданную московским издательством «Водолей Publishers». Я о таком поэте прежде не слышала и книжку перелистала, по крайней мере, с любопытством, которое не сразу, конечно, но было вознаграждено.

Не дым Отечества, гашиш в кальяне сладок...

В груди качнётся мир чужой земли,
Едва колеблясь в мареве лампадок,
Что по тебе в который раз зажгли.

Или такое:

Я останусь в Содоме, в Гоморре,
Но и так же – надёжно – в строю,
Чтоб, как угорь в Саргассово море,
Смог вернуться на землю свою.
Смог вернуться... ты скажешь: «Не надо...» —
Прежде срока от грёз не буди...
А прадедова песня «Гренада»
Будет ждать у начала пути.

Или ещё:

Налейте вина или водки, очищенный спирт
Встречается реже, но в принципе тоже подходит:
Лишь здесь, на Руси, столь естественен пьющий пиит
При нашей любой, непохожей на счастье, погоде...
Налейте скорее – я выпью, неделю пропью,
Чтоб выпью болотной завять, обезуметь воочью,
Покуда по клавишам песню безбожную быю—
По полной, как ряженный, – в избы соседские ночью...

Подарок Евгения Мякишева – двойная книга, совместная с ушедшим уже, к всеобщему прискорбию, Геннадием Григорьевым. В послесловии к книжке о Мякишеве сказано: «Более колоритной фигуры в поэтических кругах не только Санкт-Петербурга, но и, пожалуй, всего мира не сыскать. Фактурная внешность, скорее подошедшая бы бандюгану из сериалов или карикатурному скинхеду, резко контрастирует с тонким до ранимости устройством его души и его стихов». С Мякишевым я теперь лично знакома. Подтверждаю. Что же до устройства души его – приглядиись, только осторожно, не обожгись, не оцарапайся, читатель:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.